

vk.com/bellaurora_pepperwinters

МИСТЕР БЛЭК

В тени

ЧАСТЬ 1

П.Т.МИЧЕЛ

Мы все в своей жизни встречаем кого-то, с кем пересекаются наши пути, основательно изменяя нас самих. Это могут быть личности, которые проносятся через нашу жизнь, оставив отпечаток в нашей душе. Они врезаются в наши мысли, в наши сердца и в решения, которые мы принимаем. Душа разбита или наоборот, появляется мечта, в зависимости, как посмотреть на это. Моя личность — мистер Блэк. Я не знала его настоящего имени, когда впервые встретила с ним. Я вообще ничего не знала о нем, но впечатление, которое он оставил после себя, было настолько мощным, как и имя, которым я называю его сегодня. Он Блэк: беспощадный телохранитель и виртуозный соблазнитель. Я Рэд: борец за справедливость и добровольный участник. Вместе мы страсть. Цвета, столкнувшиеся в жизнях друг друга. И когда наши секреты сливаются воедино при страстной встрече, может, стоит выйти из тени для того, чтобы просто рискнуть? Современный романтический триллер, предназначенный для читателей 18+ (в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

П.Т. Мичел

**МИСТЕР БЛЭК: История миллиардера агента ВМС
США**

** Black – Блэк – черный,
Red – Рэд, красная, рыжая.*

Перед тем, как я научилась находить радугу

— Я ненавижу его. Я ненавижу его, я ненавижу их обоих, — слова со свистом вырываются из моего рта, пока я очень быстро иду через неумолимый, холодный проливной дождь. Вода хлюпает внутри моих дырявых теннисных туфель с каждым шлепающим ударом о тротуар, на котором разбросан мусор. Я понятия не имею, как далеко убежала. Пара миль? Десять? Казалось вечность. Автомобиль проезжает мимо, колеса поднимают брызги воды. Я едва достаиваю его взглядом. Делаю короткий вдох, неистово часто и тяжело дышу, я не могу расправить свою грудь от того, что сжимает мне сердце. Мучительные и бесконечные образы маленькой Амелии с пухлыми щечками, окаймленными светлыми волосами и шоколадного цвета глазами, мерцают в моей голове.

Она была такой спокойной. Сейчас ее уже нет. Все из-за своей невинности и любопытства.

Нет, из-за бесхребетности и безразличия.

Я никогда не услышу от нее «Талия» снова или не почувствую ее любящих объятий, крепко сжимающих меня, когда поднимаю ее на руки. Я снова начинаю задыхаться.

Отвращение поднимается в моем животе.

Я спотыкаюсь, потому что мои ноги дрожат.

Прежде чем они полностью откажут двигаться, я перехожу к быстрой ходьбе, затем к бегу, обхватывая руками свое дрожащее тело. Свет от задних фар автомобиля исчезает вдалеке, а холодный дождь швыряет волосы, выбившиеся из моей косы, на лицо. Приветствуя шквал ветра, я срываю резинку с кончиков моих волос, расплетаю толстую косу пальцами, высвобождая свои рыжие локоны.

Час назад, я бы бросилась в свое личное убежище, как всегда и делала, когда мне было необходимо успокоиться или подумать. Пожарная лестница возле моего окна не помогла успокоить мои разорванные в клочья чувства, но помогла спасти жизнь. Я не смогла спуститься вниз достаточно быстро. И теперь стою здесь, под ледяным дождем, без пальто. Не очень умный ход для кого-то, кто уже не планирует вернуться.

Когда я вижу впереди человека, лежащего на изодранном диване, на обочине, мои внутренности напрягаются. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь узнать окрестности, в которых оказалась совершенно случайно. Кругом все в таком же захудалом состоянии, как и в моем районе — Нижнем Ист-Сайде, но здесь ничего не выглядит знакомым.

Я выпрямляюсь и передвигаю ноги в бодром темпе. *Не смотри на него. И не позволяй ему увидеть, что ты боишься его.* Единственное, что я хочу сделать — это позвонить тете, но я не знаю, что сказать. Как начать? В этот момент она уже должна прийти домой с дежурства. *Маленькая Амелия.* О, боже. Ненадолго я зажмуриваю глаза и издаю стон. Тетя Ванесса могла бы найти себе кого-нибудь получше, чем застрявшего в колее парня, так как всё, что было Уолта на момент их первой встречи — это стабильная работа плотника. Но став «матерью» Амелии, чья настоящая мать сбежала от Уолта, когда девочке было всего четыре месяца от роду, это, казалось, помогло моей тете наконец-то обрести смысл жизни. С Амелией, появившейся в нашей жизни, она стала гораздо более спокойной и менее напряженной.

Где-то вдалеке слышится звук полицейских сирен, который заставляет меня подпрыгнуть от неожиданности. Инстинктивно я хочу бежать, но заставляю себя оставаться

спокойной и сохранять заданный темп. Я понятия не имею, куда иду, просто подальше от сирен.

Я прохожу мимо бродяги, даже дождь не в состоянии скрыть жуткий запах, исходящий от него. Я морщу нос и задерживаю дыхание, продолжая двигаться вперед. Вдруг чья-то рука хватается меня за плечо и разворачивает вокруг.

— Эй, есть мелочь?

Он смотрит прямо на меня, я развожу руки, отчасти, чтобы вырваться из его захвата и чтобы выглядеть немного агрессивно и уверенно, так как сдерживаемый гнев и беспокойство накатывают на меня.

— Похоже, что у меня есть мелочь? — у него всклокоченная борода и ему необходима ванна, но это он стоит в покрытом пятнами пальто и вязаной шапке, в то время как на мне узкие джинсы и тонкая толстовка в сорокаградусный ливень.

Его бледно-зеленые глаза окидывают тоненькую золотую цепочку с двумя сердечками, висящую на шее.

— Ты можешь отдать мне это.

— Да, конечно, — когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он хватается меня за руку.

— Давай, малышка. Я знаю, что ты получишь еще одну.

— Отпусти меня! — я стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно, пытаюсь выдернуть руку из его жесткой хватки.

Когда он начинает тянуться к тонкой цепочке, я вырываю руку из его захвата и бегу со всех ног в сторону, откуда пришла. Ему придется сорвать ее с меня. Моя тетя трудилась, не покладая рук, на двух работах, чтобы купить ее мне на мой одиннадцатый день рождения. Она подарила мне ее два года назад, вскоре после того, как мы съехались с Уолтом и Амелией.

— Второе для Амелии, — сказала она. — Когда она подрастет, я куплю ей цепочку, и ты сможешь дать ей одно сердечко. И тогда у обеих моих любимец будет по равной половине.

Звук сапог не по размеру топающих и топающих позади меня по асфальту, не отставая, заставляет мой желудок завязываться узлом. Парень на удивление быстр для того, кто бездельничает весь день. Он явно схватит меня, но вдруг кто-то окликает его сильным голосом:

— Оставь ее в покое, Гарри.

Мы оба останавливаемся.

Дождь замедляется, переходя в слабый ливень, а парень, гнавшийся за мной, поворачивается на голос. Он фыркает на подростка постарше, который смотрит на него поверх крыши, работающего на холостом ходу, черного Бумера.

— Ну, посмотрите-ка, кто пришел побродить по трущобам. Это видно Блэки, — он задирает свой бородатый подбородок в сторону машины. — Почему бы тебе не дать мне немного денег, а?

Парень фыркает и захлопывает дверь автомобиля, затем обходит его спереди.

— Чтобы ты смог купить себе очередную выпивку? Я так не думаю, — он выуживает руку из своего переднего кармана джинсов, достает сертификат и вручает его парню. — Возьми, это для закусочной Джейка. Я оплатил тебе десять блюд. Если ты поспешишь, то сможешь успеть на свой первый вечер, пока они не закрылись.

Гарри опять молча фыркает, выхватывает сертификат, убирая его в карман. Он даже не

смотрит на меня проходя мимо, приняв предложенное парнем и даже не поблагодарив его.

После того как бездомный поворачивает на другую улицу, парень переводит взгляд на меня.

— Я никогда не видел тебя здесь раньше. Ты только что переехала в наш район или что-то подобное?

В этот момент мелкий дождь приглаживает его волосы к голове, вынуждая кончики его волос достать до воротника пальто. Я скольжу своим взглядом от его лица, находящегося в тени, к его крутой тачке, потом обратно перевожу взгляд на его красивую кожаную куртку. Ему здесь явно не место.

— Я не живу в этом районе, — говорю я.

— Где ты живешь? Ты не должна находиться здесь одна, — он засовывает руки в карманы и смотрит, когда дождь наконец-то прекращается, он вдыхает свежий воздух. — Могу я подвезти тебя куда-нибудь?

Его взгляд возвращается ко мне, и он делает шаг в свет от фонарного столба. Парень привлекательный, с резкими скулами, но его глаза приковывают мое внимание. Они такие необычные, я заворожено смотрю на них: один темно-карий, а другой — блестящий ярко-голубой. Он придвигается еще ближе.

Осмотрительно, я делаю шаг назад и быстро смотрю на свои руки. Красные ручейки покрывают каждую складочку, костяшки пальцев и линию моей жизни на ладонях. Я паникую, что он увидит это. Я прижимаю пальцы к ладони, быстро моргаю, затем смотрю вниз еще раз. Мои руки чистые. Должно быть, ливень все смыл.

Жаль, что я не могу также заставить свою голову полностью очиститься от дум. Сжимаю челюсть, чтобы остановить стук своих зубов. Теперь, когда я больше не убегаю, и в меня не вливается чистый адреналин, холод просачивается сквозь мое тело.

— Вы-вы не из этой части города.

Он оглядывается через плечо в сторону улицы, откуда приехал, и говорит низким голосом:

— Мне необходимо было быть здесь, — поворачивается лицом ко мне, пожимает плечами в своей куртке. — Это всегда будет частью меня.

Прежде чем я могу сдвинуться, он делает шаг вперед и накидывает куртку мне на плечи.

— Вот, я вижу, ты замерзла.

Мгновенное тепло и запах дорогой кожи окутывают меня. Я не могу сопротивляться и запахиваю куртку потуже.

— Спасибо, — бормочу я, пряча лицо за мокрыми волосами.

Мне кажется ему семнадцать или около того, но он гораздо выше, чем большинство парней его возраста. Я чувствую себя карликом рядом с ним.

— Где ты живешь? — спрашивает он, убирая прядь моих волос, чтобы увидеть мое лицо.

Я оглядываюсь по сторонам, тревожное осознание вызывает спазмы в моем желудке. Где же я буду спать сегодня ночью? Что я буду есть? Что бы я только не отдала, чтобы в моем кармане лежал сертификат на десять приемов пищи.

— Я не знаю, — шепчу я.

Беспокойная складка прорезает его лоб.

— Ты не знаешь, где ты живешь?

Я мотаю головой и отвожу взгляд, боясь, что он слишком много увидит в моих глазах.

— Я не могу вернуться.

— У тебя есть кто-то, кто любит тебя дома? Семья?

Мой взгляд встречается с его.

— Да.

— Значит, все остальное не имеет значения, — он поворачивается и идет к своей машине, и открывает пассажирскую дверь. — Давай. Я отвезу тебя домой.

Я качаю головой и быстро выпаливаю:

— Я не могу.

Он делает шаг ко мне, его голос вдруг становится глухим.

— Кто-нибудь обидел тебя?

Сжимая губы, я склоняю голову.

— Я сделала нечто ужасное.

Мокрые, холодные пальцы касаются моего подбородка, но я отстраняюсь, испытывая такое напряжение внутри себя.

— Что бы ты ни сделала, семья простит, — мягко говорит он. — Это похоже на прилив и отлив каждое утро и вечер, восход и закат, радугоу после прекратившегося дождя, когда светит солнце.

Его высказанный комментарий — неосуществимая надежда и красота, словно он сам хочет поверить в свои собственные слова. Парень пытается переключить меня от моей ярости к храбрости, потому что раньше жил здесь. Он знает, что это нелегко. Я оглядываюсь по сторонам, затем хмурюсь и говорю с беспокойством:

— Далеко не всегда появляется радуга.

Он широко улыбается, и на его правой щеке появляется ямочка.

— Яркие цвета есть всегда. Тебе просто нужно знать, куда смотреть.

Уверенность в его ответе придает мне мужества. Я следую за ним к его машине, затем быстро проскальзываю на пассажирское сиденье.

Как только он садится за руль, я спрашиваю:

— У тебя есть полотенце или одеяло? Я закапаю все твое кожаное сиденье.

Он видит воду, стекающую из-под моей задницы и капающую с моих джинсов на эластичную черную кожу. Ухмыляясь, он заводит двигатель.

— Я знаю.

— Это не твоя машина, да?

Он смотрит на меня вызывающе и с усмешкой.

— Неа.

О боже, я в угнанной БМВ? Я начинаю тянуться к дверной ручке, он нажимает на газ, и машина срывается с места.

— Я не крал, просто одолжил.

Угу. А я не соучастник преступления. Два лгуна сидящие бок о бок.

— Куда ты хочешь, чтобы я отвез тебя? — спрашивает он, пока я грызу ноготь на своем пальце. Последнее, что мне нужно — это привлечь внимание полиции. Если нас остановят, я не уверена, что моя черная толстовка не откроет всю правду под внутренним освещением в полицейском участке. Кровь видна под флуоресцентным освещением? Или только при ультрафиолетовом? Я напрягаю свой мозг, пытаюсь вспомнить что-нибудь из телевизионных шоу. Я определенно не хочу это узнавать.

— Вероятно, мне следует просто пройти пешком.

Он поворачивает направо на главную дорогу.

— Или я могу просто отвезти тебя, если хочешь.

В машине пахнет кожей и запахом нового автомобиля, и здесь так тепло и хорошо. Следующие несколько секунд я борюсь со сном. Может, когда я проснусь, то обнаружу, что все это всего лишь один большой кошмар. Я отмахиваюсь от фантазии. Последнее, чего я хочу — выйти и идти пешком по холодному ночному воздуху в насквозь мокрой одежде, поэтому киваю.

Мы едем минут двадцать, когда он наконец нарушает тишину.

— Как тебя зовут?

Я отрицательно качаю головой.

— Ты не хочешь говорить?

Я кусаю щеку изнутри и молчу.

Вздыхнув, он трогает кончик носа, затем потирает большим пальцем переносицу.

— Я раньше жил в этом районе, помнишь? — тихо говорит он.

Какие-то нотки сочувствия в его голосе заставляют образоваться комок у меня в горле. Вдруг меня захлестывают такие эмоции. Неважно, что я стараюсь как-то оправдать свои действия, я ужасный человек. На меня накатывает паника, и я начинаю тяжело дышать. Грудь так сжимает, что я с трудом говорю:

— Останови автомобиль, просто останови. Мне нужно прогуляться. Мне нужно идти.

Он быстро маневрирует через сквозное движение машин и съезжает на проселочную дорогу. Я наклоняюсь вперед и хриплю, пытаюсь дышать.

Теплая рука разминает мое плечо.

— Все хорошо. Дыши. Просто дыши.

— Я не могу, — сиплю я, пальцами царапая горло. Это конец. Я задыхаюсь.

Он убирает мою руку от горла и нежно берет за затылок.

— Эй, я буду дышать с тобой, ладно? Делаем глубокие вдохи. Вот так. Через нос, потом выдыхаем ртом. Носом и ртом. Вдыхаем и выдыхаем.

Он потирает большим пальцем мое запястье, я пытаюсь дышать, последовать его примеру и успокоить бешеные скачки своего сердца.

Несколько секунд мы вдвоем просто спокойно дышим.

— Вот и все, Рэд, — он посылает обнадеживающую улыбку. — Ты будешь в порядке.

Обычно я ужасно ненавижу, когда меня называют рыжей, но сейчас, в моей темной реальности его поддразнивание является настолько сумасшедшим и нелепым, что, похоже, это именно то, что мне необходимо.

Я уже дышу нормально, отстраняюсь от его рук и прижимаюсь плечом к двери.

— Я в порядке, — говорю я вполголоса.

Он отклоняется назад на свое сиденье и кладет руки на руль.

— Часто у тебя происходят такие атаки?

Я резко трясу головой, когда мой взгляд останавливается на его наручных часах. Я не знаю марку, но на первый взгляд, они, вероятно, стоят больше, чем годовая зарплата большинства людей в моем районе. Я киваю на часы, удивленно подняв брови.

— Ты здешний, да?

Он прослеживает направление моего взгляда, поднимает руку, чтобы взглянуть на часы, снимает их и протягивает мне.

— Вот, возьми. Я не хочу их. Цена, которую я заплатил, была слишком высокой.

Боль в его голосе настолько реальна, такая же, как боль, бушующая внутри меня.

— Что случилось?

Он кладет часы вниз на сиденье между нами, его взгляд прикован к циферблату.

— Я потерял маму.

— Мне жаль, — бормочу я.

Он поднимает и удерживает взгляд своих необычных глаз на мне, выражая сердечную искренность.

— Ты никогда не поймешь, насколько важна семья, пока она не уйдет. У меня не было выбора, но он есть у тебя.

Жаль, я не знала свою маму. Она совершила самоубийство, когда я была еще маленькой. А мой отец никогда и не показывался. У меня не было выбора, но я просто молчала.

Он нежно убирает мокрую прядь моих волос за ухо.

— Не убегай. Возвращайся и скажи им, что любишь их. Что бы ты ни сделала, они в конечном итоге простят тебя.

Пока он говорит, мое тело постепенно успокаивается от мелкой дрожи. Все, что он говорит, имеет смысл, я постараюсь надеяться на «семейные узы». Думая о возвращении домой у меня начинает крутить живот, поэтому я поворачиваю голову и смотрю на него.

— Почему тот парень называет тебя Блэки?

Смех сверкает в его взгляде, он закрывает голубой глаз и смотрит на меня карим.

— Из-за этого. Он говорит, что темный делает меня похожим на Черного Ирландца.^[1]

— Почему у тебя глаза разного цвета?

— Это наглость!

Я качаю головой на его обиженный тон.

— Я видела человека с одним зеленым и одним голубым глазом, а другого — со светло-карим и зеленым глазом, но не видела таких глаз, как у тебя. Они...

— Странные, неприятные, приводят в смятение. Дай угадаю... ты не знаешь, какой из них фокусируется на тебе, верно? — на его лице появляется понимающая улыбка. — Я слышал все это раньше.

Я ухмыляюсь.

— Я собиралась сказать, как день и ночь. Они уникальны.

— Большинство людей не спрашивают о моих глазах так быстро. Обычно они танцуют вокруг да около, прежде чем спросить.

— Ой, извини, — говорю я, немного морща нос.

— Не стоит. Спасибо, что заставила меня почувствовать себя, по крайней мере, не ошибкой природы, — он включает зажигание и выруливает обратно на дорогу. — Готова сейчас сказать мне, где ты живешь?

У меня нет другого выбора, поэтому я называю улицу, которая находится в нескольких кварталах от моей. Пятнадцать минут спустя, он подруливает к многоквартирному дому и бегло окидывает взглядом заброшенное здание.

— Это твое?

Я киваю и тянусь к дверной ручке.

— Теперь ты в порядке, ребенок?

— Почему ты называешь меня ребенком? Ты не намного старше меня.

На его лбу появляется складка.

— Тебе не может быть больше четырнадцати?

Как будто возраст дает вам поблажку, чтобы выбраться из дерьмовой ситуации. Я не хочу его сожалений. Закатив глаза, я с силой говорю.

— Я достаточно взрослая, чтобы не рассказывать тебе об этом.

— Эй, — кричит он, когда я быстро выскальзываю с сиденья и закрываю дверцу, окна моментально опускаются вниз. — Береги себя, Рэд.

— Ты тоже, Блэки. Спасибо за поездку.

Кивнув на мой ответ, его губы дергаются в улыбке. Он закрывает окно, но не двигается с места, ожидая, пока я поднимаюсь по лестнице и тянусь к входной панели, блокирующую дверь. Конечно, я не знаю кода, поэтому просто набираю первые попавшиеся случайные числа.

При втором наборе БМВ заворачивает за угол, и я отворачиваюсь от двери. На полпути по улице понимаю, что я не отдала ему назад куртку. Сморщившись из-за моей забывчивости, я сдвигаю лацканы друг к другу и нежусь в тепле, и благодарна ему за это.

Когда я уже нахожусь в паре кварталах от моего района, мои зубы перестают стучать. Мои джинсы превратились в один большой кусок льда, который колит и давит на кожу. Я пытаюсь потереть руками свои бедра, чтобы они хоть чуть-чуть согрелись, и чувствую сильный запах дыма в воздухе. Я бегу вперед, тут же забыв о своем дискомфорте.

Огромная толпа стоит вокруг моего дома, наблюдая за царившим хаосом. Мигалка пожарной машины крутится, и пожарные делают все от них зависящее, чтобы потушить сильный пожар, который вздымается пламенем из зияющей дыры на четвертом этаже. Люди тихо бурчат о взрыве:

— Был ли это газ? — спрашивает кто-то.

Я закрываю рот, чтобы сдержать крик, который готов вырваться наружу. Мои пальцы дрожат, как у наркомана, которому необходима очередная доза. Наша квартира, соединенная с квартирой рядом, где Уолт проводит большую часть своего времени со своими друзьями, выпивая и разлагаясь, когда тети Ванессы нет дома, сгорела. Похоже на взрыв, там даже тел не осталось, чтобы похоронить? Мысль об этом вызывает у меня тошноту.

Наконец-то льются слезы. Из-за Амелии, не из-за Уолта.

Чем это вызвано? Была ли это утечка газа в квартире? О боже, неужели тетя Ванесса была в нашей квартире, когда это случилось? Она должна была прийти домой еще час назад.

Нет. Нет. Нет. Пожалуйста, нет! У меня тогда никого не останется из семьи. Нет.

Когда мои ноги начинают подгибаться, кто-то кричит: «Талия!» Я резко поворачиваю голову в сторону голоса. Моя тетя с отчаянием пробирается сквозь толпу. В десяти шагах от меня, люди уже начинают расступаться, позволяя ей пройти. Как только она оказывается рядом со мной, ее темные глаза, в которых скрывается боль вперемежку с облегчением, осматривают мое лицо. Дорожки слез текут по ее щекам, но на ней до сих пор одета рабочая униформа, а пучок темных волос скосился набок.

Чувство вины клоочет у меня в горле, заставляя хрипеть, когда я пытаюсь говорить:

— Мне так жаль, тетя Ванесса.

— Ты в порядке. Слава Богу! — говорит она, схватив меня в свои крепкие объятия.

— Мне нужно... — слова застревают в горле, желая вырваться наружу. — Я хо-хочу сказать тебе.

— Молчи! — тетя выдыхает в мое ухо. — Пожарные не позволяют мне подняться, но я знаю... — она затихает, ее голос дрожит.

Она сжимает меня все крепче и крепче, как никогда до этого. Я обнимаю ее в ответ, понимая, что рассказывать ей всю правду было бы еще более болезненным сейчас, чем то, что она уже испытывает. Амелия не была родной, но она любила ее, как дочь. Но у нее есть я, с тех самых пор, как моя мать проглотила целый пузырек таблеток, когда мне была всего неделя от роду. Оставить моей тети хранить несколько приятных воспоминаний лучше, чем ничего, поэтому я сжимаю свою челюсть и проглатываю вину и гнев.

Ветер поднимается, способствуя распространению пламени. Несколько пожарных прорываются через толпу, и мы должны отойти с их пути, чтобы позволить им пройти. Когда мы поворачиваемся, чтобы взглянуть на мужчин, пытающихся усмирить пламя, пока наши жизни буквально утопают среди обломков и дыма, она говорит:

— Некоторое время будет тяжело, Талия. Теперь остались только ты и я, как это было всегда.

— Я знаю, — отвечаю я и проглатываю возвращающуюся тревогу, царапающую мое горло. Нам придется спать в приюте сегодня и, вероятно, еще какое-то время, пока мы со всем не разберемся. У нас больше нет семьи. Тетя только что окончила школу медсестер, и это была ее первая работа. Даже с ее зарплатой, она зависела от дохода Уолта по столярному делу, которое на самом деле не стоит и выеденного яйца. Хорошо, что она никогда не узнает настоящую правду по поводу оплаты аренды квартиры и ее автомобиля. Мысль бросить школу и найти работу гложет меня изнутри. Школа — это мой единственный шанс поступить в колледж и сделать свою жизнь лучше... Тяжело вздохнув, я опускаю плечи и скольжу руками в карманы куртки, чтобы как-то укрыться от резкого колючего ветра.

Мои пальцы упираются во что-то металлическое, я хмурюсь, ощупывая этот предмет. Когда подушечкой своего пальца трюсь о стекло циферблата, понимаю, что, наверное, он сунул их в карман перед тем, как я вышла из машины. Коварный угонщик автомобиля.

Моя печаль по Амелии очень тяжела для меня, я выгляжу такой слабой по сравнению с прочным стержнем моей тети. Она всегда была намного сильнее меня.

Она обнимает меня за плечи и спокойно говорит:

— Мы вместе, и мы получим помощь. Я знаю, у нас все будет в порядке.

Однажды.

Я крепко сжимаю часы в кулаке, ощущая металл. И это все у нас уже есть. *Спасибо за радугу, Блэк.*

Глава 1

Восемь лет спустя

— Вставай, соня, — говорит Кэсси, ударяя по моей заднице, перед тем как сесть.

— Ой! — я рывком поднимаю голову, утренний солнечный свет, заставляет меня прищуриться, пока смотрю на нее сквозь рыжую спутанную гриву волос. — Что с тобой? Солнце едва поднялось. Я не собираюсь на пляж в такую рань, там, возможно, слишком холодно.

Шелковистые черные волосы Кэсси струятся по плечам, она хихикает и срывает с меня одеяло.

— Я знаю настоящую причину, по которой ты приехала со мной на весенние каникулы в Хэмптон. Из-за Блэйков. Ты должна сказать мне спасибо, потому что я собираюсь осуществить твою мечту.

Упоминание Блэйков тут же приковывает все мое внимание; растирая гусиную кожу на своих руках, я быстро сажусь.

— Как ты узнала?

Кэсси плюхается на кровать рядом со мной.

— Я же твоя лучшая подруга, — взмахнув рукой в роскошной спальне и показывая на французские двери, ведущие на пляж, она продолжает: — Я прекрасно понимаю, что бездельничать здесь со мной для тебя что-то новенькое. Ты не так обычно проводишь весенние каникулы.

Я качаю головой и фыркаю, она знает меня настолько хорошо. Поскольку тетя Ванесса отбыла в свой многодневный круиз со своим новым мужем, я могу не ехать домой, чтобы подработать и иметь дополнительные наличные деньги, как делала в прошлые разы. Только лишь потому, что моя тетя удачно вышла замуж в прошлом году, я не собираюсь перестать упорно трудиться. Эта возможность просто дает мне больше времени заняться и работать на свою карьеру, ну.. будущую карьеру. Газета колледжа — моя «работа» сейчас, даже если мне не платят.

— Согласна, виновата, но как ты узнала о Блэйках?

Она поджимает губы и разглядывает свои ногти.

— Я последовала за тобой в тот день.

Моя спина выпрямляется и становится прямой, как струна. Я заставляю себя расслабиться, обнимаю подушку, и чувство вины завязывает в узлы мой желудок.

— Я действительно хочу провести немного времени с тобой, Кэс. Дело просто в том, что.. Я не могу упустить эту возможность, чтобы она прошла мимо меня. То, что я могу раскопать, что случилось с Миной Блэйк, поможет мне осуществить мою мечту — работать в «Требьюн», когда я получу диплом в мае, — скорчив рожицу, яжимаю плечами. — Не то чтобы в тот день моя попытка приблизиться к Блэйкам принесла хоть какую-то пользу. Я не смогла миновать отца, чтобы увидеться с Миной. Я попробовала вчера снова в городском ресторане, но ее два старших брата не дали мне такой возможности. Они не подпустили меня на расстояние ближе двадцати футов. Они защищают ее, словно ястребы.

Светло-карие глаза Кэсси вспыхивают и возвращаются обратно ко мне.

— Может, ее соседка по комнате действительно совершила самоубийство, и из-за этого Мина отказалась посещать колледж. Возможно, семья просто защищает ее, Талия.

— Нет, там нечто большее. Я просто чувствую это. Слишком много слухов ходит по всему университетскому городку. Рассказывают, что «Блисс» теперь усиленно распространяют.

— «Блисс»?

Я киваю.

— Усовершенствованная и очень дорогая форма экстази. Мина может рассказать гораздо больше. Я хочу просто узнать, что с ней произошло. Если хоть малая доля этого — правда, то я совсем не понимаю, почему обе девушки принимали участие в распространении наркотики. Они обе из богатых семей, ни одна из них не нуждалась в деньгах.

— Может быть, они сами принимали наркотики, — говорит Кэс.

— Я не слышала никаких слухов об употреблении наркотиков.

Просто наркота. Но что заставило их пойти на это? Должно быть, что-то большее. Память возвращает меня к Уолту, дышащего пивным перегаром, когда он хватает меня за рюкзак и запихивает коричневый пакет для ланча внутрь, разворачивая меня к себе лицом:

— *Передай это содержимое плотнику, моему приятелю, по дороге в школу, Талия. Он будет ждать тебя у ворот парка.*

— *Но я не хожу в ту сторону.*

— *Сегодня пойдешь, — огрызается он. — И в любой другой день, когда я попрошу.*

— *Но я опоздаю в школу.*

— *Выходи раньше. Кто, ты думаешь, оплачивает медицинскую школу твоей тети? Так что закрой свой гнусный рот и иди.*

Потрепанного вида парень в бейсболке расклеивает афишу своими потемневшими пальцами, затем отталкивается от забора, когда я появляюсь.

— *Ты принесла, малыш? — хрипит он, вырывая рюкзак, который я снимаю с плеч и передаю ему.*

С чернотой под ногтями, он больше похож на механика, чем на плотника. Мой взгляд останавливается на «H» и «F», отпечатанных на его руке, пока он роется в моем мешке. Я узнаю эту эмблему ночного клуба «Hounds and Foxes» (прим. - гончие и лисы), только знак «&» между буквами перевернут в неправильную сторону. Почему ночной клуб использовал штамп с перевернутым знаком? Неужели они не знают, что это неправильно?

— *Какого черта ты высматриваешь? — рычит он.*

— *Ничего, — я пожимаю плечами и ухожу.*

Чувство вины сейчас заставляет краснеть мои щеки, пока все эти годы я играла роль дилера. Только пару месяцев спустя я поняла, что это был не плотник, когда наконец набралась храбрости и заглянула в рюкзак после того, как вышла из дома. Голубые, розовые и белые таблетки заполняли полиэтиленовые пакеты внутри. Теперь это многое объясняло про собутыльников Уолта и их «берлогу». Ублюдок и его дружки занимались распространением наркотиков.

Я пыталась противостоять Уолту, потому что точно знала, что тетя Ванесса не в курсе его делишек. Она никогда не подвергала меня риску, похожему на этот. Единственный плюс, который получился из этого разговора в том, что Уолт пообещал мне, если я буду держать рот на замке и делать все, что он просит, он удержит Хейза подальше от меня. Что еще я могла сделать? Тетя Ванесса еще не закончила свои курсы обучения медсестер, я не могла себе представить, чтобы оставить Амелию, так что училась в школе и, склонив голову вниз,

доставляла ужасные пакеты.

— Ты в порядке? Ты вся горишь? — спрашивает Кэс, возвращая меня к настоящему.

Я киваю.

— Я просто думаю обо всех перспективах.

— Ну, может быть, у них нет причин распространять наркотики, — Кэс пожимает плечами. — Богатенькие детки все время совершают глупые поступки. Иногда просто для прикола. Поверь мне. Я видела таких. Они словно живут в совершенно другом мире с совершенно другими законами.

Я закатываю глаза.

— Ты одна из них.

— Нет, я не такая, — раздраженно отвечает она. — Вспомни, бизнес моего отца еще не поднялся, пока я была в младшей школе. Я не была рождена в богатстве.

— Извини, — бормочу я, чувствуя себя неуютно от осуждения. — Просто, фраза «не беспокоиться о деньгах» для меня чуждое понятие.

Она вздыхает и наклоняет голову.

— Ты поступила в один из самых престижных колледжей в стране и по-прежнему думаешь так?

— Я поступила в Колумбийский университет, чтобы получить степень, без трастового фонда.

— Но ты можешь остаться там на мизерной зарплате сейчас, независимо от своей степени. Я пытаюсь сказать... пришло время немного расслабиться. Твоя тетя наслаждается своей жизнью, и ты тоже должна дать себе передышку. Перестань спешить. Ты выдохнешься прежде, чем тебе исполнится двадцать пять.

Я успокоюсь, как только получу великолепную работу, после того как закончу колледж. Я не хочу оказаться в положении моей тети: в зависимости от кого-то, кто будет заботиться обо мне. Стать материально обеспеченной, находить истину и разоблачать несправедливость — в этом и будет заключаться моя карьера.

— Подожди, если ты хочешь, чтобы я взяла передышку, почему собираешься помочь мне с Блэйками?

Ее глаза искрятся лукавством.

— Потому что у меня свои счеты, и к тому же состоится эксклюзивная вечеринка в масках в доме Блэйков в предстоящие выходные — это прекрасная возможность осуществить мою месть.

Я поднимаю бровь. Кто знал, что у моей подруги имеется мстительная жилка?

— Я понятия не имела, что ты знаешь эту семью. Я бы просто попросила тебя представить меня им.

Кэс дотрагивается до своей ключицы.

— Ой, я не знаю Блэйков. Селеста Карвер знает.

— Хм, если ты их не знаешь, как мы попадем на эту вечеринку?

— Всю прошлую неделю Селеста щебетала в социальных сетях о том, что ее пригласили на это эксклюзивное мероприятие в поместье Блэйков в эти выходные, — Кэс берет телефон и находит последний пост Селесты. — Сегодня утром она сетовала, что не сможет пойти.

— Какое дело тебе до этой Селесты? И как это связано с тем, что мы появимся на вечеринки?

Кэсси широко улыбается.

— Две причины. Первая: я могу пройти как близнец Селесты. Хотя этот факт я ненавидела до сегодняшнего утра. И вторая... — мимические морщины разглаживаются от ее широкой улыбки. — В приглашении четко говорится: все, кто снимают маску в течение вечера, будут выпровожены на улицу. Мне подумалось, что я, наконец, нашла способ отплатить Селесте, которая выставила меня полной идиоткой в девятом классе.

— Долго же ты таила обиду, — я слегка хмурюсь. — Что она тебе сделала?

— Она сказала мне, что я нравлюсь Джейку Хеммингу, и он не знает, как пригласить меня на свидание. И поскольку я считала Селесту своей подругой, так как мы вместе посещали пару уроков, я естественно поверила ей. Мне казалось, что Джейк очень привлекательный, поэтому я набралась смелости, собралась с духом и спросила его, не хотел бы он сходить в кино в эти выходные.

По страдальческому выражению лица Кэсси я понимаю, что все пошло не так, как планировалось.

— Что случилось?

Слезы блестят в ее глазах, затуманенных испытанным унижением.

— Джейк рассмеялся мне прямо в лицо при всех, окинул меня взглядом сверху вниз и сказал: «Ты можешь выглядеть как Селеста, но ты совсем не дотягиваешь до ее уровня. Довольно-таки плохо, что она отшила меня на пятничной вечеринке, но я не собираюсь размениваться на «серость». Возвращайся в свое «никто и ничто» и перестань притворяться тем, кем ты явно не являешься».

— Что за дерьмовый ублюдок, — в гневе я морщу губы. — Дай-ка угадать, Селеста, нереально богата?

Кэсси кивает, дорожки слез продолжают литься по щекам. Смахнув их, она говорит:

— Я знаю, что давно пора просто забыть, но я никогда не была так унижена, Талия. То, что она сделала тогда, заставило меня очень долгое время чувствовать себя никчемной.

Я поднимаю руки к ней.

— Но сейчас ты не чувствуешь себя так. Ты самая уверенная девушка, которую я знаю. Твоя неустранимость именно то, что привлекло меня в тебе.

Она иронически усмехается.

— Ну, я не всегда была такой. У меня было много сеансов с психотерапевтом, и я подросла, прежде чем поняла, кто я есть.

Нагнувшись, я крепко обнимаю ее и шепчу:

— Я понятия не имела, — история Кэсси еще раз доказывает, что на самом деле ты можешь не знать человека, даже если ты с ним очень близок и думаешь, что прекрасно его знаешь. Хотя бы взять то, что она совершенно ничего не знает о моем прошлом.

Кэсси в ответ крепко сжимает меня в объятиях, потом отклоняется и улыбается.

— Как-то мой врач сказал, и это осталось у меня в памяти: «Наше прошлое определяет наши поступки в будущем, но мы не должны позволять прошлому управлять нами».

Я продолжаю криво улыбаться и теревить золотую цепочку, болтающуюся на шее, перебирая пальцами два сердечка. Они заставляют меня помнить об Амелии и о том, как быстро может измениться жизнь.

— Если твое прошлое не управляет тобой, тогда зачем мы едем на эту вечеринку?

Кэсси цокает языком.

— Потому что у меня немного веселое настроение. Мне надо пошалить, сделать что-то, чего чванливая Селеста Карвер никогда бы не сделала. Она будет сражена наповал. И эй,

может быть, нам удастся устроить тебе секс. По крайней мере, список кандидатов имеет отличные родословные.

Я бросаю на нее сердитый взгляд из-за того, что она сделала своей миссией в прошлом году — сорвать мою девственность. Она словно считает это преступлением, что я могу стать выпускницей, оставаясь по-прежнему не тронутой. Ну, в переносном смысле, конечно. Мой парень на батарееках, работающих на аккумуляторе (кратко Боб), заботится обо мне в физическом плане. По правде говоря, я просто еще не нашла подходящего человека. Пока никто из сынков богатых родителей, тусующихся с Кэс, никак меня не впечатлил. Никакой другой парень, с которым я встречаюсь на уроках, не подвинул меня продолжить свидание дальше, чем просто выпить кофе. Никто не соответствовал уровню того парня, который научил меня находить радуго. Он именно тот, о ком я фантазирую, когда Боб доставляет мне удовольствие. Мне не нужен друг-с-привилегиями, когда у меня есть воспоминания и Боб.

Кэс щелкает пальцами, пытаясь привлечь мое внимание, и прищуривает глаза.

— Если ты не пойдешь на вечеринку и не попытаешься дать парням шанс, мисс Слишком-Придирчивая-Для-Своего-Собственного-Блага, я собираюсь выбросить Боба и мусорное ведро и заставить тебя понизить стандарты.

Я сердито смотрю на нее в упор, мысленно пообещав перепрятать вибратор из моего тайника, как только вернусь в колледж.

— Эта конспиративная вечеринка, а не сумеречная миссия. (прим. — игра слов в англ. яз. *clandestine* и *candlelight*). Я тебя умоляю!

Она вскакивает с кровати, взмахивает руками, как будто изгоняет из комнаты мое разочарование.

— Поторопись и прими душ. Мы должны отправиться за костюмами.

Мои глаза расширяются.

— Костюмами? Ты ничего не говорила о костюмах.

— Ох, не говорила? — она прижимает палец к губам и подмигивает. — Ты должна будешь придумать забавное вымышленное имя. В приглашении также упоминается, чтобы не было никаких реальных имен, которыми пользуются.

Я фыркаю.

— Я понимаю, что эта вечеринка великолепна для меня, так как, по-видимому, вся семья Блэйков знает, как я выгляжу, но если все присутствующие там будут инкогнито, как кто-то узнает, что ты притворяешься Селестой?

Кэсси отрывисто смеется, затем взмахивает рукой перед собой, приняв надменный вид.

— Ты даже не представляешь, какой высокомерной Селеста может быть. Она невероятна и ведет себя, как будто кинозвезда, где бы она ни появлялась. Ты, конечно, пойдешь, как моя любимая гостя, и всем парням там будет интересно, из какой богатой семьи ты родом.

Я тихо хихикаю на имитацию Селесты. Лично я даже не встречала эту Селесту, но уверена, что Кэс ее идеально копирует. Такая пафосная личность определенно выделяется. Потирая руки, я соскальзываю с кровати.

— С этой минуты начинается пятидневный обратный отсчет. Давай осуществим операцию «Мечь».

Глава 2

— Прекрати суетиться с капюшоном, — выдыхает Кэс, ожидая, пока дворецкий откроет входную дверь во владения Блэйков. — У них нет ни единого шанса узнать тебя. Я думаю, что ты зря пошла на крайние меры, покрасив волосы в блонд, парика бы вполне хватило.

Я опускаю руки, просовывая их в рукава бархатного красного плаща-накидки. Медленно выдохнув, чтобы как-то успокоить скачущее сердце, приглушенно отвечаю:

— Я ничего не могу поделать. Если меня поймают еще раз, то я уверена, что в ближайшем будущем мне грозит судебный запрет.

Кэс поджимает губы, пока поправляет черную с белым юбку французской горничной.

— Может, не стоит пытаться говорить с Миной сегодня. По крайней мере, это одна из гарантий, что тебя не поймают.

— У меня не единственной есть программа действий на сегодня, мисс Ведьма-Мщения, — говорю я, поднимая брови под своей черной маской. — Хочешь я назову твои?

Кэс удостоверяется, что ее черное кольцо находится по центру декольте, затем поправляет собственную черную маску.

— Исключено, — и широко самодовольно улыбаясь, она машет чем-то перед моим лицом. — На всякий случай.

Мои щеки становятся пунцовыми, глядя на обертку из фольги между ее пальцами, я легонько ударяю ее по руке.

— Убери это.

Кэс смеется и прячет в руке, нажимая на дверной звонок.

— Классно, — говорю я.

Мелодия звонка разносится по всему дому, едва слышится ритмичная танцевальная музыка, доносящаяся изнутри, я окидываю взгляд ее костюм: короткая юбка едва прикрывает задницу и черные шпильки. Кэс не пожалела денег на наши наряды, сохранив их приближенными к оригиналу, но также очень сексуальными.

Я одета в крестьянском стиле, не совсем белое короткое платье-размахайка, чулки в сетку и высокие черные сапоги на шпильке. Черный кожаный корсет утягивает меня, а также показывает мои изгибы, и глубокий овальный вырез декольте (промах, который я совершенно не учла) открывает прекрасный вид. Мое единственное требование к костюму — чтобы было место, куда я могла положить свой телефон и небольшой блокнот с ручкой. Поэтому мой плащ из красного бархата длиной до икр имеет скрытые боковые карманы. Костюм Красной Шапочки как раз и соответствовал моим запросам.

Мы специально опаздываем на сорок минут. Вечеринка уже в самом разгаре, и у всех меньше шансов обращать внимание на наш приход. Кэсси и я обмениваемся понимающими взглядами в тот момент, когда дворецкий открывает дверь. Конечно, мы специально выбрали «костюмы низкого статуса». Мы могли бы воплотить свой план действий и сыграть роли, но мы обе согласились, что ирония должна тоже сыграть свою роль.

«Пляжный домик» Блэйков — это великолепное, немислимых размеров помещение. От пола до широкой двойной лестницы по обе стороны атриума, гостиная выдержана в тосканском стиле. У самой дальней стены пять французских дверей, которые выстроены в линию и открывают прекрасный вид на каменные террасы, роскошный бассейн, частный пляж и многое другое. Если бы я не была так поглощена своим заданием, мне бы хотелось

исследовать каждый дюйм этого потрясающего дома, но вместо этого у меня перехватывает дыхание, когда младший сын Блэйков, Дэмьен подходит прямо к Кэс и сжимает ей руку.

Быстро и легко вращая рапирой, размашистым движением закрепляет ее у талии и говорит:

— Селеста, любовь моя. Ты сегодня просто сбивающая с толку. — Его карие глаза озорно поблескивают под черной маской, которая сочетается с его привлекательными темно-каштановыми волосами.

— Ах, ах... — Кэс поворачивается к нему лицом, отрицательно покачивая своим пальцем перед его носом. — Непослушная горничная Иветта, — поправляет она его сладострастным голосом.

Пока я подавляю в себе смешок, Дэмьен реагирует на ее хриповатые нотки, как любой другой парень двадцати трех лет. Уверенная улыбка расплывается на его губах.

— Ах да, Иветта, конечно. Я счастлив, что ты поменяла свои планы, — он наклоняется вперед, отодвигая назад короткий черный плащ и рапиру. Мой взгляд падает на его черные блестящие сапоги. — Ты разрешишь Лису пригласить тебя на первый танец?

Лис? Мои губы кривятся в саркастической улыбке от его имени, произнесенного с испанским акцентом. Блэйки, может, и чрезмерно помешаны на защите, но они также творчески умны, надо отдать им должное.

Кэс хлопает своими ресницами через маску, ее алые губы расплываются в широкой улыбке.

— Ах, Зорро (прим.перев. исп. — Лиса), как я могу отказать такому хитрому герою в такой простой просьбе?

Взмахнув рукой в мою сторону, Кэс говорит:

— Я пришла не одна, подумала, что ты не против. Лис, знакомься Скарлетт.

Я почти задыхаюсь от имени, которое она мне дает. Мы спорили о моем поддельном имени почти всю дорогу, пока стремительно ехали сюда. Я хотела выбрать что-то простое, например, Элла, но она даже не хотела слушать и сказала, что удивит меня чем-то, что действительно соответствует моему костюму.

— Приятно познакомиться, — бормочу я Дэмьену, когда мой взгляд впивается в его брата, Гэвина, приближающегося к нам в сшитом на заказ костюме. Гэвин, возможно, на год старше своего брата, но его каре-зеленые глаза намного контрастнее выделяются из-под черной маски. И что за заостренные уши, по краям его маски, уши *волка*? Оу, сегодня явно избыток иронии.

Конечно, он прямиком нацелился на меня. Я нервно сглатываю, потому что это совсем *не хорошо*.

Хотя Гэвина и не было дома в тот день, когда Адам Блэйк не позволил мне встретиться со своей дочерью, зато парень заметил меня сразу же, когда я вошла в ресторан, где братья и сестра обедали на днях. Прежде чем Мина смогла обратить на меня свое внимание, Гэвин быстро выпроводил меня, резко угрожая подать судебный иск, если он когда-нибудь увидит меня снова.

Дерьмо! Мои ладони покалывают, пока его расчетливый взгляд надолго задерживается на моем лице. Кажется, мое сердце на какое-то время просто останавливается, потому что я явно забыла, как дышать. Похоже, Кэс добилась моего ареста.

Гэвин уже почти достиг нас, когда кто-то справа от меня берет мою руку и прижимает теплые губы.

— Я думаю, что двое в капюшонах должны танцевать вместе из солидарности. Что скажешь, Скарлетт?

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на моего спасителя, но замечаю только очертания его угловатой челюсти. Его темно-зеленый капюшон натянут гораздо ниже, чем мой, прикрывая и оставляя в тени большую часть лица. Он одет в светло-коричневые замшевые штаны и соответствующую рубашку. Лук был перекинут на его груди, а нож и тонкие веревки прикреплены к мягкому кожаному ремню, на его талии. Колчан со стрелами виднеется из-за плеча.

Я быстро кощусь на старшего брата, который недовольно смотрит. О, слава Богу, он зол на этого парня в капюшоне, а не на меня. Я сжимаю пальцы, держащие мою руку.

— Я с удовольствием.

Незнакомец явно на два дюйма выше Гэвина, что собственно удивительно. Гэвин ведь шесть футов и два дюйма (прим. ред — почти 188 см). Кажется, что парень в капюшоне самый высокий здесь. На своих далеко не маленьких каблуках, я только лишь дотягиваюсь ему до носа.

Не обращая внимания на Гэвина, который провожает меня взглядом, мой спаситель тянет меня за собой к специальному выделенному подиуму в атриуме, где многие танцуют под последние эстрадные хиты, которые крутит диджей.

Незнакомец по-прежнему не отпускает мою руку, даже когда мы оказываемся на танцполе. Он крутит меня, словно волчок, при этом говоря:

— Там ты выглядела, как испуганный олень перед голодным волком.

Мой капюшон соскальзывает, когда я делю полный оборот, открывая светлые волосы, и я останавливаюсь к нему лицом. Взгляд Гэвина ни на минуту не покидает нас, я чувствую, что он смотрит на меня напряженно, поэтому улыбаюсь своему партнеру по танцу, позволяя ему по-прежнему держать меня за руку, пока мы танцуем.

— Все нормально. Что Волк с Уолл-стрит может сделать мне? Утомить до смерти финансовой статистикой?

У него проскальзывает мимолетная улыбка, обнажая ровные белые зубы. Видимо, мой ответ его позабавил, поэтому я наклоняю голову к нему и продолжаю поддерживать удачную уловку.

— Я никогда не видела тебя раньше в этой части леса. Часто сюда приходишь?

Быстро и легко покрутив меня еще раз, его улыбка исчезает.

— Я появляюсь только тогда, когда кто-то нуждается в спасении. Я — Робин.

— Робин? Хммм, — я окидываю его телосложение. — Ты больше похож на орла, пикирующего вниз и ворующего добычу у волка.

— Если мы собираемся выбирать символические имена, мисс Скарлетт, — слышится сдавленный смех, который скользит по мне, как и его большой палец, — то у меня больше общего с вороном, чем с орлом.

— Почему ты не можешь быть орлом? — спрашиваю я, испытывая облегчение, что, похоже, Гэвин, наконец-то, махнул на меня рукой и перестал наблюдать. Теперь он был поглощен разговором с какими-то людьми у бара.

— Вороны черны как грех и крадут по ночам, — его глубокий баритон возвращает мое внимание к нему, когда он подстраивает свой танцевальный шаг под новую песню.

Его губы слегка дергаются, как над смешной шуткой. Его сравнение себя с вороном такое прозаичное, что сбивает меня с толку и немного очаровывает. Этот парень совсем не

похож на тех титулованных особ, которые окружают нас здесь сегодня вечером.

— Крадут по ночам? Ох, загадочно. А если я буду звать тебя, мистер Блэк? — я даю ему имя на сегодняшний вечер, награждая еле заметным кивком. По-прежнему держась за его руку, я делаю шаг назад и поворачиваюсь к нему.

В секунду как я врезаюсь в его грудь, он наклоняется ко мне. Хотя я совсем не могу видеть его глаза, но чувствую пристальный взгляд на себе.

— Итак, сейчас я мистер Блэк? — спрашивает он заинтриговано. — Я думаю, соглашусь с этим прозвищем в противовес твоему, мисс Скарлетт. (*прим.перев. — Скарлетт — алый, Блэк — черный*).

Его находчивость в сочетании с его удивительным запахом пробуждает все мои чувства. Мой новый любимый запах: древесный аромат и кожа. Я полностью очарована. Вдыхая глубоко запах и наслаждаясь нашим подшучиванием, я вглядываюсь в его лицо, находящееся в тени.

— Хммм, черный и красный — сильные и смелые цвета.

— Сами по себе да, но когда вместе, то они пробуждают страсть.

Бабочки в моем животе начинают трепетать, реагируя на пониженный тон его голоса. *Мы все еще говорим о цветах?*

— Ты заметил очень пронизательно. Большинство парней не видят связи между цветами и эмоциями.

— Я способен замечать все, мисс Скарлетт, — говорит он уверенным тоном. — Кое-что о тебе. Ты определенно выгодно выделяешься.

Что он хочет этим сказать? Я не вижу его глаз, но чувствую, как он, изучая, внимательно вглядывается в мое лицо. Он настолько глубоко всматривается в меня, словно исследуя. Все внутри меня напрягается.

— Способен? — я с силой удерживаю слегка любопытный тон, и тут же он начинает крутить меня снова. — Чем же ты занимаешься, мистер Блэк?

— Безопасностью, — быстрый рывок, и я падаю на его грудь, попадая в круг его рук. Улыбка исчезает и его тон становится серьезным. — Просто для протокола, вороны такие же хищники, как и волки, возможно, даже больше, насколько возможна их скрытая хитрость.

Мне почему-то кажется, что он дает мне шанс отказаться, прежде чем я сделаю что-то, о чем потом пожалею. Я кладу свободную руку в его, намереваясь сделать шаг назад. *Он не знает, кто я такая. Я просто провоцирую свой страх быть пойманной. Возьми себя в руки, Талия.*

Но когда его пальцы сжимают мои сильнее, а его рука крепче обвивает мою талию, в моих ушах начинает звенеть.

— Как интересно, — хрипло говорю я. Боже, я избегала «волка» только лишь для того, чтобы попасть в ловушку гораздо более коварного охотника?

Затаив дыхание, я мысленно обдумываю свой приход на эту вечеринку. Что заставляет меня сдать? Разве я как-то выдала себя? У меня волосы блондинки и черная маска скрывает половину моего лица. У меня нет никаких отличительных особенностей, типа запоминающихся родинок или татуировок на любом месте тела, глаза зеленые, которые встречаются не так уж редко. Есть ли у меня «отличительный знак», о котором я не знаю?

В то время как все внутри меня начинает еще больше закручиваться, готовясь отправиться в полет, он поворачивает меня полностью к себе с довольной улыбкой, расплывшейся на его губах.

— Я рад, что не напугал тебя.

Что не напугал меня... воронами? О нет, он говорил что-то о безопасности. Подождите? Он пытается произвести на меня впечатление? Как только мой мозг переваривает его комментарии, произнесенные низким тембром и с хрипотцой, у меня тут же пропадает интерес к страху, а сердце перестает колотиться, как сумасшедшее. Я, наконец, начинаю дышать.

Как мне наполнить легкие воздухом, когда его возбуждающий запах пропитал их насквозь, расслабляя мое внутреннее напряжение? *Каким одеколоном он пользуется? Я хочу окунуться в него. Я чувствую, что готова раствориться в нем, и с другой стороны, у меня напрягаются все мышцы, чтобы противостоять ему.*

— Ты спас меня от «волка», мистер Блэк. С чего бы мне бояться? — взмахиваю ресницами и смотрю на него невинными глазками.

Его губы искривляются в таинственной улыбке.

— Я, вроде как, хищник, мисс Скарлетт.

По моей коже ползут мурашки.

— Ты ведь обычно не играешь со своей едой, прежде чем съесть ее, правда?

Его сильные руки еще ближе прижимают меня к своему крепкому телу.

— Когда как, — он наклоняет голову, и его голос опускается до сексуального рокота, пока он шепчет в мое ухо. — Это приглашение?

Теплота его рта напротив моего уха заставляет мое тело гореть огнем от чувственного напряжения. Я противостояла тупым парням, которые выпивали несколько коктейлей и открыто предлагали, но то, что происходило сейчас, был своего рода вид интимного соблазнения со своей недосказанностью, превращаясь в умную сексуальную словесную дуэль, которая приводит меня к каким-то странным ощущениям. Мурашки бегут по каждому дюйму обнаженной кожи, и на мгновение я погружаюсь в тишину. Черт, этот мужчина опасный в своей мощи. Я не знаю, стоит мне убегать или танцевать на его костях. Я никогда не реагировала на незнакомцев таким образом. Опять же, у меня просто никогда не было мужчины, способного одновременно соблазнить мой разум и тело. Такое сочетание заставляет каждый нерв вибрировать от электричества.

— Приглашение? — выдыхаю я.

Запустив пальцы в мои волосы, он медленно проводит большим пальцем по контуру моего уха.

— Интересно... какова Скарлетт на вкус?

Мое дыхание останавливается в тот момент, когда его рот скользит по моей щеке, а мой пульс пускается в гонку с препятствиями.

— Дыши, — шепчет он у моего виска. — А еще лучше, давай дышать вместе.

Уверенность его комментария в том, что он точно знает, что я позволю ему поцеловать себя, посылает дрожь восторга через мое возбужденное тело, и вопреки здравому смыслу, я позволяю ему приподнять мое лицо.

Мои пальцы сжимают ткань на его груди, и я жду. Я чувствую непреодолимое притяжение к поцелую с загадочным незнакомцем, которого я полностью так и не видела. Это полное сумасшествие, и я не могу даже свалить вину на алкоголь, поскольку не пила его.

В тот момент, когда он опускает свой рот к моему, нас резко толкает ретивая группа танцоров, которые, по-видимому, выпили слишком много.

Он вынужден оттолкнуть меня от себя, или мы вместе упадем, но этого резкого толчка

мне хватает, чтобы прийти в чувство. Я выпадаю из своей тишины, музыка во всю гремит в ушах, и до меня доходит, что песня-то совсем не медленная, но мы продолжали танцевать, прижавшись друг к другу уже в течение какого-то времени. Я смеюсь сама над собой, на то, как поддаюсь этому, и толкаю его в грудь. Он не сдвигается с места, его руки продолжают крепко держать меня, я прочищаю горло и смотрю куда угодно, только не на него.

В нас опять врзается парочка ребят, разъединяя нас. Один из парней хватается за талию, чтобы удержаться и, перекрикивая музыку, говорит: «Прости!». Остановившись, парень, у которого настолько широкая грудь и тело, что ему бы больше подошел костюм Франкенштейна, чем Дракулы, смотрит на меня сверху вниз, потом быстро начинает крутить меня, чуть ли не отправляя в падение, и бормочет непристойным тоном в мою шею:

— Хм, как насчет того, чтобы я отнес тебя в мое логово.

Прежде чем я успеваю ответить ему, чтобы он отпустил меня, мы оба дергаемся и оказываемся в вертикальном положении. Блэк жестко хватается за плечо.

— Отпусти ее, Ник, — он говорит спокойным тоном, но от него веет угрозой.

— Остынь мужик, просто дай сыграть мою роль, — говорит Ник непринужденным тоном, пытаясь отмахнуться от него.

Рука Блэка не двигается.

— Я собираюсь еще раз по-хорошему попросить тебя. Убери от нее свои руки.

Ник на секунду прищуривается, затем отпускает меня, поднимая руки.

— Видишь, никаких проблем.

— Выйди на террасу и протрезвей.

— Что? — Ник пытается оттолкнуть Блэка, но прежде чем он может сказать хоть слово, неожиданно оказывается на коленях посреди толпы. — Оу, ты мудака! Отпусти мое плечо.

— Я. Что. Неясно. Выразился?

Блэк говорит грозным тоном, не повышая голоса. Я наблюдаю за переменной, которая просто поражает, с какой быстротой он двигается и действительно выражает беспощадность.

С какой силой он должен нажимать на плечо, что Ник вдруг морщится от боли и со свистом говорит:

— Хорошо. Я выйду на улицу.

Блэк кивает в сторону французских дверей.

— Направляйся. И сделай так, чтобы я не видел тебя здесь хотя бы полчаса.

В следующие несколько секунд Ник выходит, в глазах Блэка появляется удовлетворение, и он говорит приглушенным тоном, опустив свою руку на мою поясницу:

— Ублюдку повезло, что я великодушен сегодня.

— Благодарю, — говорю я. — Я думаю, что Дракула наверняка немного перепил.

Это называется великодушен? Если бы Кэс рассказала мне эту историю, я бы подумала, что Блэк явно какой-то высокомерный неандерталец, но оказавшись свидетелем его молниеносных инстинктивных действий, я понимаю, что его работа — это гораздо больше, чем просто выбор профессии, в конце концов, это продолжение его самого. Он справился с ситуацией быстро и эффективно, как профессионал.

Черт, что он сделал бы со мной, если бы узнал, зачем я здесь? Испытывая тревогу, я использую песню в быстром темпе, как предлог отойти от него подальше, пока прочесываю глазами толпу в поисках Кэс.

Как только мой взгляд фокусируется на ней, и она находится полностью в моей прямой видимости, танцующей с парнем шатеном, одетым в белую униформу, ко мне тут же

возвращается мысль о причине, из-за которой я нахожусь здесь. Несомненно, она быстро утомила Дэмьена. Интересно, как мистер Униформа вписывается в ее план «мести Селесте».

Я ловлю взгляд Блэка, который внимательно смотрит на меня, поэтому показываю подбородком в сторону Кэс.

— Кто этот моряк?

Он обхватывает меня за талию и кружит, только лишь мельком взглянув в их сторону, когда мы делаем полный круг.

— Ты узнала его форму, как форму Военно-Морского Флота?

— Все знают, белый — официальный цвет Морского Флота. Кто он?

— Не все, — он качает головой, и его губы изгибаются в легком недоумении. — Это Колдер.

— Я думала, чтобы попасть на эту эксклюзивную тусовку, необходимым требованием было надеть маски. Почему у него нет маски?

Он пожимает плечами.

— Его решение не менять униформу, которую почитают.

— О, он действительно служит в ВМФ?

Блэк кивает, и теперь я понимаю, что именно делает Кэс. Селеста бы никогда не приблизилась к военному. Одетому в костюм и с миллионами в банке, конечно, но моряка, живущего на правительственную зарплату, она бы рассматривала ниже своего социального статуса. Я оглядываюсь вокруг, конечно, некоторые люди заметили это. Я хмурюсь, наблюдая, как Кэс и парень разговаривают и танцуют. Совершенно не обращая внимания на ехидные взгляды и робкие замечания, обсуждающие их, парень опускает голову вниз, чтобы услышать, что говорит ему Кэс. Когда он выпрямляется и громко смеется, обхватывая рукой ее за талию и притягивая ближе, моя соседка по комнате в колледже широко улыбается.

В какое-то мгновение я вижу, как она поворачивается и забирает два бокала шампанского с подноса официанта, прогуливающегося вдоль края танцпола. Я перестаю танцевать, потому что мое беспокойство зашкаливает.

— Извини, но мне нужно поговорить с моей подругой.

Он хватается за руку, прежде чем я могу уйти.

— Оставь их, — говорит он непререкаемым тоном.

— Ты не понимаешь...

— Он вернется назад в следующие сорок восемь часов. Дай ему насладиться последними часами.

Когда я пытаюсь стряхнуть его руку, его рот превращается в прямую линию.

— Может пройти год или больше, прежде чем он вернется назад. Пусть наслаждается.

Я поднимаю брови, но понимаю, что он прав. В конце концов, Кэс не может разрушить сердце парню за одну ночь. Нужно позволить ему иметь немного смеха и удовольствия в его жизни. Он, вероятно, долго ничего этого не увидит, поскольку уедет на задание. Я останавливаюсь и поворачиваюсь лицом к нему.

— И какое задание его ждет?

Он притягивает меня ближе к себе, как только начинает звучать медленная песня.

— Он не имеет права обсуждать эти вещи.

Хммм, загадочно. Надеюсь, ты понимаешь, что ты делаешь, Кэс.

— Это звучит так, словно ты знаешь его довольно хорошо. Он твой друг?

— Даже ближе чем брат. Мы практически выросли вместе.

Мистер Блэк говорит интригуяюще, и этого вполне достаточно, чтобы я захотела узнать о нем гораздо больше. Я запрокидываю голову, ощущая себя совершенно в невыгодном положении, так как все время вижу только нижнюю часть его лица, открытую капюшоном.

— Твой капюшон — это твоя маска на этот вечер?

— Любопытно? — на его губах появляется слегка кривая ухмылка. — А что, если у меня шрамы под ней?

Ты по-прежнему будешь чертовски сексуален.

— Ты боишься показать свою истинную сущность?

— Абсо-чертовски-лютно, — говорит он без колебаний, его голос становится хриплым, он скользит руками вверх по моей спине, затем начинает двигаться под медленную музыку

Я выпускаю низкий смех, ценя его прямоту.

— Может быть, ты полностью седой под маской и на двадцать лет меня старше.

— Это важно? — спокойно спрашивает он.

— Вовсе нет, мистер Блэк. Я просто не хочу делать ничего, что может вызвать сердечный приступ в твоём *преклонном* возрасте.

Издав высокомерный смешок, он обвивает руками мою спину.

— Откуда тебе знать, что я не выведу твое сердце из-под контроля?

— Ну, говорят, что с возрастом приходит мудрость, — реально подстрекаю я его, мне действительно очень хочется, чтобы капюшон был снят сейчас.

Его губы кривятся в усмешке.

— Мастерство приходит с опытом, не с возрастом, мисс Скарлетт.

Моя кровь несется по венам, вызывая покалывание во всем теле. Его способность перепрыгивать с прямого разговора к намекам так чертовски горяча. Он наверняка освоил это очень хорошо.

— Правда? А я вот думала, что возраст и мудрость идут рука об руку.

— Не всегда, — говорит он, отпуская меня.

Я задерживаю дыхание от предвкушения, пока его руки поднимаются к капюшону. Когда зеленый материал опускается на плечи, показываются волосы даже темнее, чем у Дэмьена, я улыбаюсь в одобрении. Они настолько темные, что я даже точно не могу сказать, где заканчивается его черная маска и начинаются волосы.

В какую-то секунду его глаза, полные соблазнительного обещания, соединяются с моими. Мое сердце пропускает несколько ударов. Один карий глаз и сверкающий голубой в упор смотрят на меня из-под маски.

Глава 3

Это не может быть он. Но единственная мысль, которая крутится у меня в голове — этот молодой парень, и есть тот, кто все восемь лет преследовал меня в моих мечтах и снах. Я качаю головой и чувствую, как подгибаются колени, а перед глазами плывут круги, которых становится все больше.

Он подхватывает меня и притягивает к себе.

— Ты в порядке?

Я начинаю моргать, чтобы все-таки остаться в сознании, сжимая руки на его твердой как камень, груди; пульс отдается в моих ушах. Он выглядит еще сильнее, мускулы увеличились и кажутся настолько выпирающими и мощными. У него появился шрам на подбородке, которого раньше не было. Прежде у него была ямочка, когда он улыбался? Может, мне следует попросить его улыбнуться сейчас. Его волосы стали короче, и он стал шире в плечах. Это точно он? Из всех мест именно здесь? Или я схожу с ума?

— Мне нужно пойти в туалет, — говорю я, избавляясь от его жесткой хватки, разворачиваюсь и тут же шарахаюсь в сторону влево, чтобы успеть увернуться от пары, одетой, как Мартиша и Гомес,^[2] затем сворачиваю направо, проходя мимо группы девушек, выглядевших как Спайс Гёрлз. Я останавливаюсь, потому что до конца не понимаю, в каком направлении мне стоит двигаться и где находится дамская комната.

Сильная рука крепко сжимает мою руку и тянет сквозь костюмированную толпу, несколько шагов вперед через бар-гостиную, где остальные собравшиеся болтаются без дела, расположившись на барных стульях и диванах, с растаявшим льдом в коктейлях. Главная комната переполнена, но народу становится меньше, когда он подводит меня к двери у дальней стены.

— Здесь.

— Спасибо, — я выжидаю, видя, как он опирается на стену, скрестив руки на груди. — Со мной все будет в порядке.

Он качает головой и говорит размеренным и спокойным тоном, несмотря на громкие звуки вечеринки, происходящей вокруг нас:

— Я подожду тебя.

— Возвращайся на вечеринку. Я скоро приду.

— Я буду ждать здесь.

— Но тебе действительно не стоит.

Он прикасается к своей маске, потом приковывает меня решительным взглядом, кивнув в сторону дамской комнат.

— Ты развлекаешь меня, Скарлетт. Красота, завернутая в интригующие слои. Я не выпущу тебя из виду весь вечер.

Слои? Что он хочет этим сказать? Я не знаю, что ответить, поэтому просто иду в туалет и закрываю дверь. Здесь музыка звучит несколько приглушенно, я плескаю холодной водой на разгоряченные щеки и плююсь на свое отражение в зеркале.

Конечно, в мире есть и другие темноволосые мужчины с одним карим и ярко-голубым глазом. Возможно, он не тот парень из моего прошлого. Но возраст подходит. Я начинаю покусывать кончик своего пальца, когда вспоминаю движение, которое он сделал перед тем, как указать мне направление в сторону туалета, прижав палец к своей маске, прямо там, на

переносице. Воспоминания заставляют меня вздрогнуть. Это своего рода особенность того парня тем вечером, когда я ничего ему не рассказывала. Похоже, этим жестом он выражает разочарование. Слишком много сходства, чтобы сбрасывать это со счетов.

О боже! *Это, должен быть, он.* Неудивительно, что меня тянуло к нему, я даже называла его *мистер Блэк*. Блэки Блэк. Звучит как название группы. Я с трудом выдыхаю с каким-то истерическим смешком, мой мозг замкнуло, и я вцепилась в раковину. Я смотрюсь в зеркало, пытаюсь вернуть себе полный контроль. Ладно, допустим это он, но я уже не похожа на ту тощую рыжую, которой он помог много лет назад. Он наверняка даже не помнит меня. Я была вспышкой в его скучном вечере.

Я смотрю на свое отражение: на моем носу сейчас нет веснушек, я стала на пару дюймов выше, с женскими изгибами вместо мальчишеских форм, какой была тогда. Сейчас я блондинка, пока не отрастет мой настоящий цвет волос, рыжий, как той ночью. Я сомневаюсь, что он что-то помнит из того вечера кроме того, что помог дурковатой девушке вернуться домой.

Много ночей все эти годы я лежала в кровати, мечтая, что когда-нибудь столкнусь с Блэком снова. Даже придумала, что скажу и как поблагодарю его за помощь, оказанную мне той ночью. И в мечтах он смотрел на меня шокировано, потом притягивал ближе и говорил, что никогда не забывал.

Сейчас, столкнувшись лицом к лицу с ним в реальности, я в ужасе. Парень из моей мечты был молод и не задавал наводящих вопросов. Этот *мужчина* владеет информацией из абсолютно разных областей, и он не пропустит ничего. При его профессии он завалит меня вопросами, желая выведать каждую деталь.

Он понятия не имеет, чем я занимаюсь, и никогда не узнает. Я смотрю на закрытую дверь туалета, чувствуя сожаление в своем сердце, что он никогда не узнает о том, как оказал положительное влияние на мое решение.

С тяжелым вздохом сожаления я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь собраться с мыслями о своих дальнейших действиях. Я не могу позволить себе уклониться от своей цели появления здесь сегодня вечером. Сначала мне необходимо понять, как избавиться от своего высоко-проницательного партнера по танцам. Затем найти Мину. Мой взгляд падает на широкие окна в туалете, план побега приобретает форму.

Я выглядываю наружу в темноту и вижу свинцовые тучи, которые собираются перед грозой, до того как разразится ливень. К счастью, помещение находится прямо рядом с крытой террасой. Оглянувшись через плечо, тихонько приоткрываю оконную раму, затем подставляю стул под окно, так я смогу выбраться наружу. Эта задача оказывается непростой с сапогами на высокой шпильке и длинным плащом.

Каким-то образом мне удастся медленно продвинуться на животе на дюйм по своему пути за окном. Теперь все что мне остается сделать — перелезть на внешний подоконник, опуститься на несколько шагов и дотянуться до земли. Я продолжаю совершать маневры и уже готова опустить себя вниз, но мой плащ цепляется за стул.

— Ты, должно быть, чертовски издеваешься надо мной, — бормочу я.

Я тяну плащ, пытаюсь отцепить материал, как вдруг раздается стук в дверь.

— Ты там в порядке?

— Все хорошо, еще минутку, — кричу я в ответ, потому что мое сердце начинает колотиться сильнее. Я продолжаю отчаянно дергать плащ, пытаюсь отцепить его. Стул наклоняется и падает на кафельный пол. Я в панике с закрученным плащом, но, к счастью,

мне удается ухватиться за край материала, который еще больше закрутился на стуле.

Наполовину находясь внутри комнаты, я повисла на подоконнике, надеясь и молясь, что Ник остался у французских дверей и не получает потрясающее шоу «чертовых трусиков» из-под моей короткой юбки, задранной ветром чуть ни до самой спины. Очень медленно я дергаю за плащ и наконец-то освобождаюсь, оставляя стул лежать на боку.

Выдохнув с облегчением, я опускаю себя вниз, затем спрыгиваю на землю.

Как только я поворачиваю за угол террасы, намереваясь войти внутрь через одну из французских дверей, натываюсь на огромную черную собаку, преграждающую Нику путь обратно в дом.

Собака напрягается на мое появление, переводя свой взгляд на меня, но когда Ник пытается обогнуть ее, массивное животное, оскалившись, переключает свое внимание обратно на парня. Острые белые зубы выделяются в темноте, и низкое рычание извергается из его пасти.

Теперь я знаю, почему Блэк мимолетно улыбнулся, как только Ник вышел из дома. Этот парень чертовски хитер.

— Хорошая собачка, — нервно говорю я.

Собака не обращает на меня внимания и не дает сдвинуться с места Нику, который поднимает руку и говорит:

— Иди к Гэвину или Дэмьену, которые отзовут эту дворнягу, — собака агрессивно набрасывается на парня, хватая его за штанину. Я боюсь, что пес переключится на меня, поэтому топаю каблуком о камень, надеясь этим звуком отвлечь его. Вместо этого, собака еще сильнее рычит на Ника. Я открываю рот, готовая заорать на него, чтобы он отпустил, но раздается треск грома, за которым быстро следует вспышка молнии.

Собака скулит, прижимает уши и бежит через двор, по-видимому, разыскивать более безопасное место для укрытия. С облегчением вздохнув и не сказав Нику ни слова, я быстро слеую за ним обратно в дом.

Ник сразу же направляется к танцполу, я бросаю взгляд в сторону стены, где находится туалет. Я не наблюдаю темноволосую голову Блэка, возвышающуюся над толпой, но на всякий случай держу голову опущенной, метнув взгляд на Кэс. Наконец, я замечаю ее все еще танцующей с мистером Униформа. Она смеется и выпивает, в общем, отлично проводит время. Ее партнер по танцу — симпатичный парень, и я уверена, что его мундир делает его еще более сексуальным в ее глазах. То, что я вижу, заставляет озадачиться вопросом, отказалась ли Кэс от своей затеи, в обмен на то, чтобы прекрасно провести время.

Я, конечно же, не отказалась от своей. Окидываю комнату взглядом, удивляясь сама себе, каким образом я могу заметить Мину среди костюмированных гостей. Ответ приходит сам собой, когда ненароком смотрю на бармена, который готовит кому-то выпивку. Бармены всегда все знают.

Когда я прокладываю путь сквозь толпу, празднично шатающейся у бара, белокурый бармен улыбается мне, манипулируя металлическим шейкером в руке.

— Привет, секси Красная Шапочка. Что я могу тебе предложить?

Я качаю головой и улыбаюсь.

— На самом деле я пытаюсь найти молодую Блэйк. Вы не видели Мину?

Сам того не желая, он выдает ее местоположение, бросив взгляд в сторону огороженной лестницы, ведущей наверх.

— Не видел ее, к сожалению. Что бы ты хотела выпить?

— Спасибо, ничего — опустив голову, я протискиваюсь через толпу людей, желающих больше выпить, поворачиваю по направлению к лестнице, задаваясь вопросом, как я собираюсь подняться наверх, оставаясь при этом незамеченной.

Бархатный канат блокирует основание лестницы, посередине висит табличка, объявляющая, что это личные покои. Не для гостей. На верхний этаж доступ ограничен.

Я оглядываюсь через плечо, никто не обращает на меня никакого внимания. На данный момент Гэвин танцует *с двумя* девушками одновременно, и ему некогда сюда смотреть. С каждым раскатом гром становится сильнее. Возбуждение, собравшихся на вечеринке, усиливается с каждым новым раскатом грома и вспышками молний, освещающих помещение.

Когда свет начинает мерцать и в какой-то момент становится более тусклым, толпа кричит от восхищения, а я хватаюсь за крюк, висящий на перилах. Все наблюдают за стихией разворачивающейся грозы, и, скорее всего, это мой единственный шанс прокрасться наверх незамеченной.

Моя рука хватается за канат, что-то ползет по моему правому запястью, и глубокий, резкий, скрипучий голос говорит мне в ухо:

— Куда-то собралась?

Я перевожу свой взгляд на веревку, которую Блэк стянул вокруг моего запястья. Вглядываясь в нее, я пытаюсь высвободиться, но он сделал из нее что-то типо наручников, которыми сцепил наши руки вместе.

— Пойдем, — бросает он жестким тоном, дергая меня за собой.

Мне ничего не остается делать, как волочиться за ним, натолкнувшись на его спину, когда он останавливается перед вращающейся дверью. Мы входим в кухню и упираемся взглядом в пару, приткнувшуюся в дальнем углу.

— Вон отсюда, — рывкает он на них. Парень в костюме байкера опускает девушку с рогами дьявола на пол, быстро поправляя одежду.

Как только они скрываются за другой дверью на противоположной стороне кухни, глухие удары музыки, раздающиеся из-за двери, становятся не такими громкими, как удары моего сердца, стучащего в груди. Блэк до сих пор ничего мне не сказал, но он стоит так близко, что это нервирует меня.

Я специально не смотрю на него снизу вверх, а пытаюсь отцепить веревку, удерживающую запястье.

— Сними с меня эту штуку!

— Не думаю, что стоит, — он медленно обматывает конец веревки вокруг своей второй руки, сильнее стягивая наши скрепленные запястья. — Из-за того, что ты выпрыгнула из окна туалета, я считаю, что ты находишься здесь по какой-то другой причине, нежели просто хорошо провести время. У тебя есть тридцать секунд, которыми ты можешь воспользоваться, чтобы убедить меня не обращаться в полицию, обвиняя тебя в незаконном проникновении.

Я встречаю его яростный взгляд и расправляю плечи.

— Я здесь, чтобы увидеться с Миной Блэйк.

Удивление мелькает в его глазах. Видимо это последнее, что он ожидал от меня услышать. Он считал, что я была вором?

Его рот превращается в одну жесткую линию.

— Зачем тебе Мина?

Выдохнув, я решаю сообщить ему правду.

— Я хочу услышать ее рассказ, почему она ушла из колледжа.

— Она ушла. Дело прошлое, — он пожимает плечами. — Почему тебя это волнует?

— Я работаю в газете.

Его губы складываются в сардоническую ухмылку.

— Мина очередная статья для тебя? Ты репортер, собирающий сплетни?

Низкий рык слышится в его голосе, наполненном полным презрением, когда он говорит «репортер, собирающий сплетни», от этого мои внутренности связываются узлом. С таким же успехом он мог назвать меня «дерьмовым репортером». Я стою на своем и отрицательно качаю головой.

— Я занимаюсь расследованием. Я решаю загадки со словами. Некоторые вещи просто не сходятся. Я хочу услышать ее версию этой истории.

— Нет ее версии. Она ушла. Конец истории.

Его тон звучит сурово и в нем слышатся еле заметные защитные нотки. Как не

оправданно для меня, но некая часть внутри, испытывает легкую зависть. Насколько хорошо он знает Мину? Я задираю свой подбородок вверх, встречаясь с его тяжелым взглядом.

— Если ничего нет, тогда почему ее все время так охраняют? Почему она не тусуется здесь, на вечеринке со всеми? Почему она наверху?

— Эта вечеринка была для нее... — начинает он, затем обрывает себя, сжимая челюсти. Его слова прозвучали настолько лично, словно он искренне заботится о Мине. Я касаюсь его руки, заглядывая ему в глаза.

— Послушай, все, что я хочу сделать — это рассказать правду. Я не собираюсь порочить доброе имя Мины. Мне кажется, что здесь что-то происходит, потому что ходят слухи.

— Какие слухи? — прищурившись, спрашивает он.

— Что она как-то замешана.

Его лицо становится безучастным.

— Она не была.

— Тогда позволь мне рассказать правду. Дай мне с ней поговорить. Эта история много значит для меня по личным причинам, но если она откажется что-либо мне рассказывать, я не буду настаивать.

Он смотрит в потолок, словно обдумывая. Наконец, Блэк перемещает свой взгляд обратно на меня.

— Я дам тебе пять минут. — Он начинает ослаблять веревку на запястье.

Я начинаю улыбаться в ответ, выражая благодарность, как вдруг он останавливается.

— Потом ты расскажешь мне, откуда знаешь меня.

Я чувствую, как мои глаза удивленно расширяются. Сохраняя спокойный тон, я опускаю взгляд на наши руки.

— Я не знаю тебя.

Как только моя рука выскользывает из ослабевшей петли, он стискивает мое запястье и скользит пальцем по нежной коже, на которой остался след от веревки.

— Да, ты знаешь. В первый же раз как наши глаза встретились, я прочитал в твоём взгляде узнавание.

Я поднимаю глаза на него и действительно плююсь, надеясь сбить его с толку.

— Просто твои глаза привлекают внимание, вот и все.

Его взгляд темнеет.

— Хорошая попытка. Но я могу увидеть разницу между удивлением и узнаванием. Ты откуда-то знаешь меня.

— Возможно, я видела тебя на фотке с Блэйками, — небрежно говорю я, пожимая плечами.

Почему-то мой комментарий вызывает у него смех.

— Ты знаешь меня, но в тоже время не знаешь. С каждой минутой это становится все более интригующе.

Я фыркаю.

— Уверю вас, мистер Блэк, всё, что я знаю — что у вас талант связывать веревкой.

— Ты даже не представляешь, о чем говоришь, — говорит он загадочно, стрельнув в меня темным двусмысленным взглядом. Блэк направляет меня в сторону двери и вдруг разворачивает, толкая в дальний угол кухни. — Я с нетерпением жду, чтобы познакомиться с вами, мисс Скарлетт. Одна тайна в обмен на другую.

Мы поднимаемся по задней лестнице наверх, выходим за дверь, затем он ведет меня

вниз по длинному коридору к другой двери, находящейся в конце. Слегка постучав, он дожидается ответа, пока женский голос не кричит: «Войдите», и прежде чем исчезнуть внутри, говорит мне:

— Подожди здесь.

Двери сделаны из цельного дерева, поэтому невозможно подслушать, о чем они говорят. Раздается возмущенный голос девушки и слышится его низкий рокот. *Она явно не рада. Скорее всего, я не получу обещанных пяти минут.* Ручка начинает поворачиваться, я быстро отскакиваю от двери, когда она открывается.

— У тебя пять минут. Если она не захочет говорить с тобой, ты сдержишь свое слово. Поняла?

Он такой внушительный и резкий, как инструктор по строевой подготовке, и у меня появляется явное желание подколоть его, цокнув каблуками и отдав честь. Ну, чуть-чуть.

— Поняла.

Я удивляюсь, когда он заталкивает меня внутрь и закрывает за мной дверь. Я ожидала, что он будет стоять на страже при нашем разговоре или что-то в этом духе. Мой взгляд останавливается на девушке с длинными, золотистыми волосами, сидящей на диванчике у окна и наблюдающей за бушующей грозой снаружи, и я прекрасно понимаю, что, должно быть, он очень близок к семье, раз смог убедить ее поговорить со мной, хотя бы несколько минут.

— У вас есть четыре минуты и тридцать секунд, — говорит она, тяжело вздохнув и не поворачиваясь.

Я вижу ее профиль, который такой же красивый и отчужденный, как и на фотографиях. Она студентка третьего курса, на год младше меня. Ну, пока она не ушла в этом семестре.

Я поднимаю подбородок и делаю шаг вперед.

— Почему ты все-таки бросила колледж, Мина? Могу я называть тебя Миной?

Она переводит великолепные карие глаза в мою сторону, ее взгляд сомневающийся.

— Как тебя зовут?

— Скарлетт, — подойдя ближе, я вытаскиваю свой блокнот из кармана плаща, и что-то падает на пол.

«*Кэс!*» мысленно кричу, пока мое лицо заливается краской. Я поднимаю пакетик из золотой фольги и засовываю его обратно в карман, бормоча про раздражающих друзей.

Когда я поднимаю голову, ее лицо становится сплошной закрытой маской, а голова вздернута вверх.

— Очевидно, Себастьян был неправ насчет тебя. Я только что потеряла лучшую подругу. Я не в настроении становиться кормом для какой-то дрянной бульварной цыпочки. Ты можешь уйти.

— Моя подруга подсунула мне это в шутку, — говорю я низким голосом, стараясь не обижаться, но гнев девушке уже вернулся на место, отражаясь в ее безразличном взгляде. Но грусть в ее глазах затрагивает что-то очень глубокое внутри меня.

Я убираю блокнот с ручкой обратно в карман моего плаща и развязываю ленточку на шее. Держа перекинутый плащ в руках, я сдвигаю маску и извиняюще улыбаюсь.

— Мне кажется, справедливо будет узнать, кто задает тебе вопросы. Я — Талия... И я знаю, что такое потерять близкого тебе человека.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Девушка, немного прикрыв глаза, с интересом поворачивается в мою сторону.

— Кого же ты потеряла?

— Я потеряла того... кто был мне как сестра... когда мне было тринадцать. Ее звали Амелия.

Я ни с кем не говорила о смерти Амелии. Слова вылетают сами собой, и я начинаю хрипло рассказывать, словно переворачиваю страницы старого фотоальбома, открытого после долгих лет глубокого хранения. Моя тетя отказывается обсуждать тот вечер. Полагаю, что для нее это очень болезненно, поэтому мы никогда не говорим об этом.

Слезы блестят в глазах Мины.

— Может ли что-то облегчить эту боль?

Я сажусь рядом с ней на подоконник и встречаю ее взгляд полный страдания.

— Боль постепенно притупляется, с каждым годом ее становится меньше, но мне трудно позволить уйти чувству вины.

— Ты каким-то образом ответственна за это? — глаза Мины расширенны, в темных глубинах плещется сочувствие.

Я сжимаю губы вместе.

— Нет, но я все равно чувствую, словно могла что-то сделать, чтобы это предотвратить.

Ее плечи слегка опускаются.

— Я точно знаю, что ты чувствуешь.

— Наркотики способствовали смерти Амелии, — говорю я, наблюдая за выражением лица Мины, которая начинает отводить взгляд в сторону, но я по-прежнему продолжаю: — Поэтому это объединяет тебя и меня.

Она резко вскидывает голову, возмущаясь:

— Не наркотики убили Саманту!

— Тогда что же, скажи мне, Мина. Мое чутье подсказывает, что есть что-то большее в истории, которая официально сообщалась. Твоя соседка по комнате не торговала наркотиками, так ведь?

Выражение крайней вины отображается на лице Мины перед тем, как она прижимает руки к лицу и бормочет:

— Мы не хотели делать этого. Боже, это все моя вина, что она ушла, но я не могу ничего говорить.

Я убираю ее руки от лица, наклоняясь, чтобы заглянуть в глаза.

— Почему не можешь?

Она смотрит вниз на наши сцепленные руки.

— Потому что другие могут пострадать, если я сделаю это.

Сжимая ее руку, я говорю:

— Сколько еще людей может пострадать, если ты не заговоришь, чтобы в конце концов остановить это?

Она качает головой и еле слышно шепчет:

— Слишком много чужих жизней может быть разрушено. Шантаж имеет глубокие корни.

— Шантаж? Тебя и твою соседку по комнате как-то принудили распространять наркотики?

Медленный кивок.

— И других тоже? — продолжаю я.

Когда она снова кивает, я кусаю изнутри щеку, потому что во мне закипает ярость. Это

уже не просто статья, а миссия.

— Как насчет того, что статья будет полностью анонимной?

Надежда освещает ее лицо, затем ее взгляд тускнеет.

— Твое имя будет под ней. Они отследят тебя, и путь приведет ко мне в качестве источника информации.

— Автор статьи будет тоже анонимным.

Она смотрит на меня в замешательстве, ее выражение сомневающееся.

— Зачем ты это делаешь? Я знаю, насколько много значат большие сенсационные новости для таких как ты. Ты учишься на журналиста, верно?

Мои учителя увидели во мне потенциал и выдали специальное разрешение, чтобы я смогла посещать курсы журналистики уровня выпускников в качестве студента последнего курса. Я киваю.

— Да, эта история будет способствовать развитию моей карьеры, после того как стану выпускником, но я не хочу делать свою карьеру таким образом, — говорю я, снимая мою цепочку. Однажды я уже снимала одно из сердец с моей цепочки. Вновь застегивая ее на шею, я протягиваю ей сердце.

— Возьми.

Она берет крошечное золотое сердечко.

— Я не понимаю. Почему ты даешь его мне?

Я киваю на амулет.

— Я должна была отдать его Амелии, когда она станет достаточно взрослой. Я даю его тебе, и ты будешь знать, что я сдержу свое обещание.

Слезы облегчения струятся по ее щекам, прежде чем она, не задумываясь, обхватывает руками меня за шею и, крепко прижавшись, шепчет:

— Благодарю тебя.

Я тяжело выдыхаю, отклоняюсь назад и улыбаюсь.

— Ты будешь в порядке, если я начну записывать?

Мина кивает, вытирая слезы, затем снимает свои золотые цепочки и надевает амулет на одну из них.

Ручка и блокнот в моей руке, но мой взгляд цепляется за сердце, висящее на ее цепочке. Я пытаюсь сделать вдох, но легкие не дают, горло сжимается.

Ее пальцы дотрагиваются до амулета.

— Ты уверена, Талия? Это прекрасный жест, но я верю, что ты и так сдержишь свое слово.

Я с трудом проглатываю комок в горле и киваю.

— Он идеально смотрится на тебе. У Амелии были такие же волосы, как у тебя. Приятно видеть, как бы амулет выглядел на ней.

Мина улыбается, потом кивает в сторону двери.

— Себастьян, должно быть, действительно испытывает уважение к тебе.

Моя рука с ручкой замирает на середине.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что его не так просто уговорить, чтобы он привел кого-то сюда, чтобы встретиться со мной. Каждый старался прикрыть и защитить меня, но Себастьян ... — она замолкает и хихикает. — Он такой бунтарь. За это я его обожаю.

Но он только что встретил меня. Кроме моих слов, у него нет других причин доверять

мне. Я стараюсь не допускать, чтобы ее очевидное обожание Себастьяном проникло мне под кожу. Ревность — бесполезная эмоция.

— Ну, я обещала ему быть честной.

Ее карие глаза сверкают.

— Я знаю, что ты такой и будешь.

— У меня есть просьба, Мина. Я не буду раскрывать свой источник этой истории, но я также не хочу, чтобы ты сообщала, кому бы то ни было мое имя. Никогда.

Ее брови хмурятся.

— Постой... Ты хочешь сказать, что даже Себастьян не знает, кто ты?

Я качаю головой.

— И я хотела бы все так и сохранить.

— Вау, — она пару раз моргает, совершенно обескураженная. — Я очень рада, что ты оказалась хорошим человеком, а не каким-то психом.

У меня непроизвольно вылетает смешок.

— Ты должна доверять инстинктам Себастьяна в будущем. Обещаешь?

Она скрещивает руки на груди.

— Я не скажу, несмотря ни на что. Ладно, что ты хочешь узнать?

Перекинув волосы через плечо, я замираю с занесенной ручкой над блокнотом.

— Расскажи мне, как это все произошло.

Еле заметно кивнув, она опускает голову и глубоко вдыхает.

— Мы думали, что просто доставляем почту нашему профессору. Он сказал, что мы могли бы получить дополнительные баллы за старания, поэтому в этом не было ничего страшного.

Когда ее голос замолкает, я поднимаю голову от своих записей.

— Дай угадаю... оказалось страшно?

Она кивает, потирая лоб.

— Мы понятия не имели, что было в посылках. После того как мы обе помогли ему пару раз, вот тогда начался шантаж. Он сказал, что должно быть доставлено больше пакетов, или он обвинит нас в мошенничестве, и нас отчислят. И если бы мы попытались на него наступать, профессор Якобсон заверил нас, что у него отработанный способ доставки — он сам не давал нам ни один пакет, после первого раза — гарантируя этим, что ничего не указывает на него. Все будет указывать на нас, как дилеров наркотика «Блисс». Нас! Двух девушек из Хэмптона. Если бы нас арестовали, наши семьи просто спятили бы и, наверное, отrekliсь от нас. Саманта... — она замолкает, словно цепенеет, даже при упоминании имени своей соседки. — Она просто не могла больше это выносить.

Они были так доверчивы, а их профессор использовал свое служебное положение, пользуясь своей властью над ними, чтобы сделать идеальных наркокурьеров. В такой степени манипулировать и злоупотреблять наивностью! Я сжимаю свои зубы. Уолт давал мне конкретные инструкции, поэтому у нее должны быть такие же.

— Откуда ты знала, куда идти и кому доставлять пакеты?

Мина кивает.

— Места, куда надо было забрасывать пакеты — менялись. Пакеты просто появлялись в нашем студенческом почтовом ящике с запиской, сообщающей, куда нам их доставить. Мы узнавали дилера по печати ночного клуба на руке. Это точная копия штампа для местного ночного клуба «Clangers and Bangers», за исключением символа «&» между С и В.

— Очень умно, — бормочу я, чувствуя, как кровь отливает от моего лица. *Дерьмо!* Тупой ручной штемпель был знаком? Каковы шансы, что кто-то другой тоже использует это же идею?

Мина не замечает моей тревоги, так как она продолжает рассказывать о том, как они дотрагивались до локтя парня, который понимал, что «выброс пакета сейчас произойдет». Я смотрю на сердце, которое дала Мине, понимая, что оно нашло свое достойное место. Тот взрыв мог исключить Уолта из «упаковки» — *соперник наркоторговцев, который пытался избавиться от конкуренции, т. е. Джимми Уолт и Хейз?* Но один из дружков Уолта не был там той ночью. Хейза Крауфорда не было в тот день, когда произошел взрыв.

В ходе расследования причин пожара было найдено оружие и ключи от места хранения, пережившие пожар и приведшие полицию к Хейзу, как производителю наркотиков, и его последующему аресту. Я отпраздновала пятнадцатилетний приговор Хейза, вынимая шпильки из моего заплетенного пучка, и после этого никогда больше не использовала этот серьезный стиль.

Насколько мне известно, взрыв только показал открытые места хранения Хейза, а не то, где он содержал свой наркотический склад. Но Хейз находится в тюрьме. Если он каким-то образом стоит за распространением «Блисс», то он дьявольски умен, раз стал партнером с профессором в колледже, не говоря уже о расширении распространения наркотиков в центр города, к гораздо более высокооплачиваемой клиентуре. Если это не Хейз, то это кто-то, кто знал подноготную и все ходы и выходы его организации в прошлом. В любом случае вспыхнувший гнев только укрепляет во мне решимость.

— Я сделаю все возможное, чтобы заставить его заплатить, Мина.

Десять минут спустя, открываю дверь комнаты Мины, мой красный плащ окутывает меня снова, и я делаю шаг в сторону. Мина, выпархивает из комнаты, одетая в костюм лесной феи, с радужными прозрачными крылышками за спиной.

Себастьян ожидает, прислонившись к противоположной стене и скрестив руки на груди. Он быстро ловит Мину, когда она бросается в его объятия.

— Скарлетт именно то, что нужно, чтобы я выползла из своей темной норы. Спасибо, что ты такой наглец, Себ.

Он опускает ее на ноги и хрипло смеется, затем поправляет маску.

— Я счастлив быть ублюдком в любое время для тебя. И пожалуйста.

Она хмурится.

— Я действительно ненавижу, когда ты так говоришь.

Он пожимает плечами, не замечая ее упреков.

— Ты собралась на вечеринку?

Она кивает, ее завитые локоны подпрыгивают.

— Совсем ненадолго. Я хочу поблагодарить моих друзей, которые пришли поддержать меня.

Повернувшись ко мне, она тянется к моей руке.

— Спустись со мной, Скарлетт. Я бы хотела, чтобы ты познакомилась с некоторыми из моих друзей.

Я наблюдаю за обменом внимания между Миной и Себастьяном с сожалением. Они кажутся близкими, но не до такой степени. Я не могу понять, почему у меня такое чувство, но оно есть где-то очень глубоко внутри.

Она переплетает наши пальцы вместе, и я тихо облегченно выдыхаю.

— Я бы хотела познакомиться с твоими друзьями.

Внизу она отвлечется на общение со своими друзьями, а я найду Кэс, и мы тихо уберемся с вечеринки, прежде чем Себастьян сможет меня догнать.

Мы с Миной делаем несколько шагов вперед, но он мертвой хваткой берет меня с другой стороны.

— Спускайся вниз, Мина. Нам со Скарлетт сначала нужно кое-что обсудить.

— Но, Себ. — Дуется Мина.

— Иди, Мина.

Она стреляет в него раздраженным взглядом, потом сжимает мою руку и улыбается.

— Увидимся внизу, хорошо?

— Конечно, — говорю тихо, сглатывая. Мои нервы на пределе. Я наблюдаю, как она движется к концу коридора, поворачивает за угол, затем закрывает за собой дверь, а Себастьян тянет меня за руку.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, упираясь.

Он хмурится, когда мы притормаживаем, мои каблуки зарываются в мягкий ковер.

— Где мы сможем поговорить.

Я отрицательно качаю головой, мой желудок связывается узлом.

— Мне действительно нужно идти. Пойдем, Иветта будет беспокоиться, где я.

Он смотрит вниз на наши руки, и я отчаянно пытаюсь освободиться от его хватки, но парень слишком сильный. Его завораживающие глаза возвращаются обратно на меня.

— У нас был уговор. Ты встречаешься с Миной в обмен на ответы, откуда ты меня знаешь.

Я пожимаю плечами.

— В действительности у меня нет ответов. Я не знаю тебя, мистер Блэк.

— Себастьян. Теперь, когда ты знаешь мое настоящее имя, называй меня им, — говорит он, его голос звучит низко и резко.

Я слегка задираю свой подбородок вверх, испытывая ощущение, будто только что получила выговор.

— Прекрасно. Я не знаю тебя, *Себастьян*. Теперь, когда я ответила на твой вопрос, пожалуйста, отпусти мою руку, чтобы я смогла уйти.

Его глаза сужаются.

— Я не верю тебе.

— Мне плевать, веришь ты мне или нет. Это правда, — для пущей убедительности, я тыкаю ему пальцем в грудь. — Я. Не. Знаю. Тебя.

— Лгунья, — говорит он бархатным голосом, подцепляя мой палец своим, когда я убираю свою руку от его груди. — Значит, мы еще не закончили. — Он дергает меня к себе.

От неожиданности я спотыкаюсь и падаю вперед на него, и прежде чем у меня получается вернуть равновесие, он быстро подхватывает меня на руки, пронося через дверь слева от него, и затем спускается вниз, в другой коридор.

— Опустите меня, — шиплю я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь ослабить его хватку, но его объятия как стальные цепи. Когда он вносит меня через приоткрытую дверь, кажется, что помещение напоминает библиотеку с низко висящими бра, огромным темным письменным столом и заполненными до отказа книжными полками, потом Блэк пинает дверь ногой, закрывая ее за нами, и я ору во все горло:

— Это, черт побери, похищение!

Опустив меня, он скрещивает руки на груди, преграждая мой единственный выход.

— И это ты, черт побери, нарушила частные владения.

Его голос звучит необычно, когда я поворачиваюсь к нему лицом, а его спокойствие

меня пугает. Он невозмутимо говорит мне, что у него достаточно терпения, и он может прождать всю ночь, но получит ответы, которые хочет знать.

— Ты можешь начать, сказав мне свое имя.

Я также скрещиваю руки на груди, как и он.

— Скарлетт.

— Твое настоящее имя, — возражает он, и в конце его голос немного повышается.

Хорошо, оказывается, он не настолько спокоен, как хочет показать.

— Какое это имеет значение?

Он хмурится.

— Так я смогу выследить тебя, если ты попытаешься навредить Мине.

Убрав свои волосы за плечо, я фыркаю.

— Если она доверяет мне, тогда и ты можешь.

— С какой стати?

— Потому что ты любишь ее и доверяешь ее мнению, — говорю я тихо, успокоившись.

— Я люблю ее, — его губы иронично кривятся в ухмылке. — Хотя я не совсем доверяю ее суждениям. Мы не будем это здесь обсуждать, потому что это не суть важно.

Тот факт, что я оказалась права насчет его любви к ней, заставляет все мое нутро сжиматься с силой. Это похоже на то, как будто образ героя, за который я держалась так долго — лопнул, будто мой мужчина мечты бросил и обманул меня, полностью разочаровав, и, в конце концов, исчез окончательно. Как собственно и делают все мечты, когда вы, наконец, просыпаетесь.

— Мы все совершаем ошибки, — я слегка поднимаю подбородок, пытаюсь не обращать внимания на свои собственные мысли о прошлом. — Я только хочу помочь ей.

— Я думаю, что это просто очередная статья для тебя, — говорит он с полным цинизмом.

— Это тоже, но я бы предпочла помочь Мине, если смогу.

— Зачем?

— Она напоминает мне кое-кого, ну... какой бы она могла стать. И я понимаю ту боль, которую она чувствует.

Он расцепляет руки и делает шаг вперед, пытаюсь прикоснуться к моему подбородку, его тон становится более мягким.

— Почему ты не скажешь мне свое имя?

Ощущение от его пальцев, так нежно ласкающих мой подбородок, вызывает холодок на моей спине, и мне кажется это так несправедливо. Я шлепаю его по руке и делаю шаг назад.

— Что ты делаешь? Ты не должен так прикасаться ко мне. — Я с опаской хмуро смотрю на него и делаю шаг назад в сторону двери.

— Как прикасаться? — он делает движение в мою сторону, заставляя меня отступить еще назад. Блэк продолжает наступать на меня, пока моя спина не прижимается к двери. Упираясь одной рукой в дверь рядом с моей головой, он смотрит на меня сверху вниз, потом его взгляд медленно опускается к моим губам и скользит обратно к глазам. — Вот так?

Когда он проводит пальцами по моей щеке, спускаясь ниже к моей шее, все мое тело непроизвольно начинает трепетать.

— Так, будто хочешь меня. Ты не должен это делать.

— Ты этого хочешь. Я слышу это в твоём голосе, чувствую, как ты реагируешь на мои прикосновения.

Я качаю головой и отвожу взгляд в сторону.

— Ты кое с кем другим. Это неправильно, Себастьян.

Он поднимает мой подбородок, заставляя меня смотреть ему прямо в глаза.

— И с кем же я?

— Хм, с Миной. Как быстро она вылетела у тебя из головы.

Себастьян издает удивленный смешок, я в таком напряжении, но все равно пытаюсь выскользнуть из его рук.

Он опускает руку мне на плечо и крепко удерживает меня на месте.

— Не так быстро. Ты действительно ничего не знаешь обо мне, не так ли?

Я стискиваю зубы и отрицательно качаю головой, он медленно проводит большим пальцем по моей шее.

— Мина — моя сестра.

Я стою, разинув рот. Ни в одном моем исследовании семьи Блэйков не упоминалось о третьем сыне. Очевидно, мои мысли полностью отражаются на моем лице, потому что, взглянув на него, я вижу в его глазах удивление и насмешку.

— Я действительно ублюдок. Темный скелет в семейном шкафу Адама Блэйка, без официальных претензий на благосостояние Блэйков. Я не существую для общества, я — паршивая овца, которая получит наследство, если будет держать рот на замке. У меня нет соответствующего происхождения, — он кивает головой в сторону окна. — Но я не против подергать за семейные веревочки, когда у меня есть настроение.

Поддев пальцем мой подбородок, он чувственно проводит другим пальцем по моим губам, затем в таком же ироничном тоне продолжает:

— Я, бл*дь, ходячее клише, Скарлетт.

— Почему и зачем ты говоришь мне это? Ты не знаешь меня. Как можешь доверить мне нечто подобное? — он должен понять, что эта информация задвигает все, что мне рассказала Мина, чуть ли не на последнюю страницу не только нашей газеты, но и новостей по всей стране. Все знают, кто такие Блэйки. Их огромное богатство хорошо известно, но, видимо, Себастьян был очень уж хорошо скрываемым грязным секретом. У его отца был роман? И куда же он попадает в своем рождении между Дэмьеном и Гэвином? Мое предположение, что он старше.

— Но каким-то образом ты знаешь меня, — проведя рукой по волосам, он издает хриплый смешок. — Ты заработала доверие Мины, что является значительным достижением. Я рассказал тебе мой секрет, потому что хочу, чтобы ты доверила мне свои.

Я быстро мотаю головой.

— Я... у меня нет никаких секретов.

Приблизившись совсем близко, он шепчет мне на ухо:

— Лгунья. У тебя есть еще один шанс, рассказать мне кое-что о себе.

— Или что? Ты накажешь меня? — смеюсь я. Он начинает целовать мою шею, бормоча свое согласие, мои внутренности трепещут. Я упираюсь в его твердую грудь, наслаждаясь стальными мускулами под моими ладонями. — Я слишком взрослая, чтобы отшлепать меня.

Себастьян хватая меня за талию и приподнимает, отрывая от пола, чтобы я оказалась на одном уровне с ним, прижатая к его твердому телу.

— Я полностью отдаю себе отчет, что ты взрослая женщина, — его голос звучит как симфония, глубокими соблазнительными тонами, играющими на каждом нервном окончании моего тела, пока он скользит руками вниз, по изгибу моих бедер, поддерживая

меня за задницу. Прижимая все ближе к себе, так, что его эрекция находится напротив моего центра, его голос опускается до еще более низкого баритона. — Но ты никогда не будешь слишком стара для шлепков.

Мне нравится его агрессивность, но я все равно упираюсь пальцами в мягкую кожаную ткань, прикрывающую его грудь.

— Ну, хорошо, что я не сделала ничего, из-за чего бы стоило меня наказывать.

— Это вопрос времени,— подняв свой гипнотизирующий взгляд разноцветных глаз на меня, он удерживает наши тела, прижатыми друг к другу, пока важнейшая часть находится в ожидании, чтобы вступить в игру. Мое тело сжимается от предвкушения, пока он медленно скользит пальцами по моей попе. — Поскольку у нас одинаковое настроение, есть еще одна вещь, которую тебе следует знать обо мне. Я человек своего слова.

— Я не сомневаюсь в этом. — Я не совсем понимаю, куда он клонит, но с каждым неторопливым движением его пальца по моей кожи, температура моего тела явно повышается, с каждой минутой я становлюсь более влажной.

— Скажи мне слово, которое бы означало безопасность для тебя. Всего одно слово, — говорит он.

Странное желание. Недолго думая, я ляпаю первое слово, которое приходит мне на ум.

— Радуга.

Его большой палец перестает двигаться, и брови под маской ползут вверх.

— Интересный выбор.

Это было глупо, Талия! Я сразу же напрягаюсь, надеюсь, что у него не возникнет ассоциаций.

Он ласкает мою попку еще раз, хотя при этом выражение его лица остается серьезным.

— Используй его, если оно тебе понадобится. Ясно?

Это нужно для чего? Я настолько радуюсь, что он не заметил никакой связи, поэтому киваю головой, потом вскрикиваю от негодования, когда он вдруг молниеносно и быстро с громким шлепком опускает свою руку на мою попу.

— Что за черт! — мое тонкое платье и нижнее белье не могут смягчить боль. Я стараюсь вырваться, но он сама неподвижность.

— Ты вынудила меня, — он трет ушибленное место, потом говорит тихим голосом: — Скажи свое стоп-слово, Скарлетт, и я перестану прямо сейчас.

— Отпусти! — хриплю я, шокированная, что моя болтовня так беспокоит его и собственной реакцией, что пылающая задница вызывает возбуждение во мне. Его рука скользит по моей попке, а потом пальцы забираются под мои трусики, я замираю. Он поглаживает мое больное место, нежно разминая мою плоть. Мне кажется, что время остановилось, мое сердце стучит от ощущений его пальцев, сдвинувших край моих трусиков и оголив мою попу. Я так возбуждена, что не могу понять, то ли ему стоит врезать, то ли поцеловать.

Еще один шлепок.

— За то, что врала мне.

Мой гнев быстро разгорается с новой силой. На этот раз я молочу кулаками по его мускулистым рукам, пытаюсь освободиться, но он слишком сильный.

— Я не лгала тебе, — шиплю я.

Я не знаю тебя. Я не доверяю тебе. Я никому не доверяю. Я жалею, что не могу доверять. Я сильно хочу, чтобы все было по-другому. И сильно желаю, чтобы мое прошлое

было другим.

Он просто обхватывает мою задницу, как будто она его собственность, и массирует поглаживающими движениями. Когда он скользит ниже, к задней части моего бедра и вдоль выпуклостей задницы, приподняв край моих трусиков, его пальцы находятся так близко, но не касаются меня, я с трудом подавляю стон, поднимающийся из горла. Боль исчезает, а его сексуальный голос вызывает море мурашек у меня на спине.

— Можешь считать, что мы в расчете. Просто скажи слово.

Стон-слово. Теперь я поняла. Его замечание так сильно интригует, что не понятно, соблазняет ли он меня, побуждает или готовит для большего наказания за какие-то другие мои прегрешения. Я уверена, что могу произнести: «Радуга», чтобы заставить его остановиться, но часть меня хочет узнать, что такое происходит между нами. Что еще я сделала, чтобы вызвать такое бурное поведение? Вместо того чтобы играть по его правилам, я решаю вернуть ему раздражение, но на свой манер. Схватив его за волосы, я грубо дергаю.

— Иди к черту!

Выдохнув с хрипом, он впивается пальцами в мой зад, пронзительно вглядываясь в меня сощуренными глазами. Я изо всех сил зажмуриваюсь и сжимаю ягодичные мышцы, готовясь к очередному шлепку, но он наклоняется ко мне и говорит со стальным тоном в голосе напротив моей щеки:

— Нет, я ждала этого гребаного момента.

Я ахаю от шока, когда его рот берет в плен мой, в поцелуй, заставляющий расплавиться даже кости. В следующую секунду он прижимает меня к себе слишком близко, словно вторая кожа, мой адреналин зашкаливает, посылая огонь по всему телу.

Его чувственная порка, должно быть, возбудила меня. Или, может, это просто все касается лишь самого Себастьяна: его соблазнительные слова, его напряженный взгляд, его волнующее собственническое удержание моего тела. Что он имел в виду, своим последним комментарием? И почему послышалась ярость и сожаление одновременно? Я отбрасываю свои спутанные мысли и обхватываю его за шею, притягивая его как можно ближе к себе, насколько я в состоянии это сделать. Я уже восемь лет мечтаю об этом великолепном мужчине, и я не позволю ему вот так уйти.

Себастьян стонет в мой рот, затем агрессивно скользит языком к моему, побуждая меня к ответу. Его электризирующее воздействие вызывает покалывание во всем моем теле даже на стопах ног. Я сплетаю свой язык с его, он вздрагивает, углубляя поцелуй, но затем отстраняется, его лицо выражает повышенное отчаяние.

— Дайте мне что-нибудь. Что угодно.

Мольба в его голосе находит отклик в моей душе, потому что я испытываю отчаянное чувство, которое храню глубоко в себе с тех пор, как была маленькой девочкой. Наши пути пересеклись, когда мне было тринадцать, и тогда засиял крошечный лучик надежды в моей жизни, когда все вокруг рухнуло. В моем сердце и разуме он был «тем единственным» на протяжении восьми лет моих фантазий, и я совершенно не ожидала встретить его вновь. Я давала ему много имен в своих фантазиях, но «Себастьян» заставляет мои внутренности гореть.

Мне нравится его имя, оно подходит ему лучше всего.

И теперь, когда моя жизнь движется по восходящей, я хочу одного мужчину, чье кратковременное появление в моей жизни — значит намного больше. Этот человек помог мне сохранить веру много лет назад, хотя для меня это стоило огромных усилий. Пока я не

встретила его, всегда чувствовала, что никому не нужна, и никто не заботится обо мне. Моя тетька была единственной, кто любил меня, потому что ей пришлось, так сложилась жизнь. Никому не было до меня дела: ни моей матери, ни моему отцу, ни Уолту и ни Хейзу. Никому.

— Скажи мне свое имя,— шепчет он в мою кожу, оставляя теплыми губами поцелуи на моей шее.

Я знаю, что сегодня ночью мы можем всё, поэтому я собираюсь сделать большее, прежде чем он исчезнет из моей жизни снова. Обняв его за шею, я вжимаюсь в его тело и отрицательно качаю головой.

— Никаких имен сегодня. Помнишь.

Он наматывает мои волосы на кулак, слегка дергает, чтобы я встретилась с его взглядом.

— Ты знаешь мое.

— Я не спрашивала тебя.

Он хмурится, ему не нравится такой ответ.

Прижимая свои губы к его шее, я медленно провожу ими до его подбородка.

— Я дам тебе нечто лучшее.

Он хрипит и захватывает мой подбородок своим большим пальцем.

— Мне нужно твое имя.

Освещение от бра начинает мерцать, потом потухает полностью, окутывая нас темнотой. Раскат грома сотрясает комнату.

Я облизываю свои губы и предлагаю ему выбор.

— Ты можешь получить мое имя или меня.

Он стоит спиной к окну, поэтому его лицо находится в тени. Мое озаряется вспышками молнии, но я чувствую его пальцы, поглаживающие мое бедро, и слышу его резкий вдох. Он не ожидал такого.

Сердце бешено колотится, но я совершенно ясно осознаю, что предлагаю:

— Мое имя или мое тело. Ты выбираешь. — Как только слова прозвучали, я задерживаю дыхание. Я не знаю примет он это или откажется от меня, ведь он ужасно властный, и его тяжело понять.

Здрав мой подбородок выше, он слегка, словно перышками, проходится подушечками пальцев вниз по моей шее к завязкам плаща, распутывая их.

Когда плащ падает к моим ногам, я медленно выдыхаю с облегчением — он предпочел не спрашивать имя.

Глава 6

По моей коже пробегают мурашки, пока он очерчивает изгибы моей груди над корсетом, затем его палец опускается между моими грудями, улыбка собственника появляется на его губах.

— Отдавая себя мне, ты позволяешь делать мне с собой все, что я захочу. Я не нежный, Скарлетт. Я требовательный. Мне нравится контроль. Я получаю удовольствие от тела... и освобождения.

— Ты говоришь, что не занимаешься любовью.

— Я трахаю... — отвечает он обычным тоном, медленно проводя пальцем по моей щеке. — Но всегда с удовольствием и для наивысшей отдачи. Взамен, я обещаю, ты будешь кончать до тех пор, пока не будешь умолять меня, чтобы я остановился, и даже тогда я буду продолжать.

Вспышка молнии, осветившая часть его лица, показывает быструю порочную улыбку.

Он говорит о предстоящем грубом сексе, нежно скользит пальцами по моей груди, затем начинает медленно расстегивать каждый крючок корсета, вытаскивая его из петельки.

— А мое стоп-слово? — спрашиваю я, затаив дыхание.

Он замолкает, рассматривая крючки.

— Используй его, если необходимо, — поймав мой взгляд, он возвращается к своему занятию, освобождая последние несколько крючков. — Но ты не будешь.

Это вызов или обещание? Мой живот трепещет от волнения, в то время как мой ум пытается сопоставить его агрессивные сексуальные заявления с его нежными действиями. Это настолько будоражающий контраст, что мои внутренности могут просто воспламениться. В следующую секунду мой корсет падает на пол, мои соски покалывает от возбуждения. Я с трудом сдерживаю стон от болезненного ощущения, не желая, чтобы он понял, насколько сильно влияет на меня. Даже трение о хлопковое платье не заставляет их быть такими чувствительными.

Я ахаю, когда он делает шаг прямо ко мне, его голос — чувственный ропот, вибрирующий напротив моей груди.

— К концу ночи я получу твое настоящее имя, — говорит он, полностью уверенный в себе, и уверяя в этом меня. — Я хотел предложить тебе сообщить его добровольно.

Он думает, что я *невольно* скажу ему свое имя? Удачи, приятель. Я не успеваю обдумать этот вопрос, потому что он скользит руками вверх по моей талии, захватывая соски между указательным и большим пальцами. Платье немного притупляет эффект, сейчас он сжимает их с достаточной силой, заставляя меня кричать в дымке удовольствия и боли. Он не отпускает меня, а продолжает равномерно сжимать их, оказывая раздражающее давление, потому что я начинаю пульсировать между ног, в самой глубине своего центра. Это мучительная боль, называемая мне-необходимо-освобождение-как-можно-скорее, становится еще невыносимее. Я хватаюсь за его твердый бицепс и начинаю задыхаться; ноги трясутся.

Когда я пытаюсь сжать ноги вместе, чтобы остановить мучительную пульсацию, он быстро скользит коленом между моих ног, раздвигая мои бедра. Чуть-чуть дотрагиваясь, его жесткие мышцы бедра задевают мой болезненный центр, он опускает голову, чтобы хрипло прошептать мне на ухо:

— Есть много других способов наказания.

В следующую секунду я придвигаюсь ближе к его бедру, надеясь ощутить его давление там, где мне необходимо, но он отводит свою ногу вне моей досягаемости. Я кусаю изнутри щеку и быстро понимаю, что мне нужно прислушаться к своей голове.

— Такая красивая, чертовски сексуальная, — бормочет он, продолжая сжимать пальцами мои соски. — Твое имя, — командует он.

Я отрицательно качаю головой, затем тяжело вздыхаю, когда он скользит пальцами вниз по моей груди. Даже сквозь материал невообразимое удовольствие разливается во мне.

— Ты кончишь прямо на этом месте. Я еще нигде не дотрагивался до тебя. Ты не должна двигаться. Не дотрагивайся до меня, кроме моих рук. Ясно?

— Но я не думаю, что могу... — я выдыхаю урывками, потому что удовольствие переходит в боль, распространяющуюся по всей моей груди. Он сжимает ее слегка, но эффекта достаточно, чтобы отбить желание что-либо отвечать.

— Не думай, просто делай, что я говорю.

Я хмурюсь, потому что не люблю, когда мне указывают, что делать, но его голос смягчается, превращаясь в бархатное мурлыканье:

— Вознаграждение будет того стоить.

Когда медленно киваю, он улыбается, и наконец-то я вижу ямочку на его щеке. Она еле видна, но все же заметна мне. Что поменялось в его жизни с тех пор, как я познакомилась с ним тем вечером? Я не думаю, что мужчина, стоящий передо мной, видел радугу все это время. Он слишком сосредоточенный, слишком сильный, слишком... темный. Черный как грех, он бы сказал. Я хочу сказать ему так много, но не могу, не раскрывая себя. Да пошел он, весь такой сексуальный и интригующий.

Он перемещает свои пальцы, и я чувствую какие-то новые ощущения, которые заставляют мои ноги подгибаться, и глаза сами собой прикрываются. На этот раз я не могу сдержать стон. Я прибываю в полном шоке, чувствуя, как мои внутренние мышцы дрожат, скручиваясь, готовые к освобождению. Я делаю быстрый вдох через нос.

— Еще нет. — Он отрицательно качает головой.

Мои глаза расширяются.

— Почему нет?

Желание быстро вспыхивает в его глазах, показывая его возбуждение.

— Прежде чем позволю тебе кончить, я собираюсь рассказать тебе, что собираюсь сделать с тобой.

Когда он позволит мне? Черта с два! Мой мозг мгновенно начинает строить планы неповиновения в тот момент, когда он наклоняется почти к моему уху и говорит глубоким баритоном, а его теплое дыхание согревает мою кожу:

— Ты мокрая для меня прямо сейчас? Это делает меня более твердым, просто думая о тебе, что ты наполнена желанием до такой степени, что твои трусики полностью промокли.

Когда я не отвечаю, он щипает меня за соски, и дрожь настигает все мое тело. Я отрицательно мотаю головой, потому что слишком упряма, чтобы сообщить ему, как сильно его хочу. *Двое могут играть в эту игру, мистер Блэк.*

Он прикусывает мочку моего уха.

— Я не могу дождаться, попробовать тебя на вкус. Мой рот наполняется слюной, только лишь думая о том, как я смакую твой вкус... вылизываю тебя. Всё до последней капли.

Мой желудок сжимается, а между ног еще больше увлажняется, усиливая устойчивую

пульсацию. Я так чертовски возбуждена, поэтому наклоняю голову и пытаюсь дышать, чтобы продержаться дольше, чем он говорит.

— Скажи мне, черт побери! — требует он, и его большие пальцы проходятся по ореолам вокруг моих сосков.

Я стону, потом со злостью выплевываю:

— Да, я промокла насквозь. Ты счастлив?

— Мисс Скарлетт, я крайне счастлив, — признается он, его голос звучит грубее, чем был секунду назад.

Его честное признание вызывает у меня улыбку, и я решаю отплатить ему той же монетой, поднимаю голову и шепчу ему в ухо:

— А еще я такая узкая... такой у тебя еще не было. Это я тебе обещаю.

— Чтоб меня, — произносит он, его глаза сверкают похотью. Блэк снова оттягивает мои соски, а затем крутит их. — Я собираюсь вколачиваться в твое сладкое тело снова и снова, наполняя тебя до отказа тем, что ты хочешь больше всего. Собой. Кончи сейчас.

Как только эти сексуальные слова срываются с его губ, я кричу сквозь волну оргазма, нахлынувшую на меня. Оргазм настолько сильный, что мне тяжело удержаться на ногах.

Он ловит меня, когда я оседаю, подхватывая на руки. Прижав к своей груди, он целует меня в лоб и выносит из библиотеки, направляясь по коридору уверенными шагами. Он держит меня крепко, даже с какой-то яростью. Мы входим в другую комнату, здесь темнее, чем в библиотеке и тише.

Спальня.

Мое тело все еще сжимается и гудит от последствий оргазма, когда он кладет меня на кровать и стаскивает с меня сначала один сапог, потом второй. Его движения быстрые, целенаправленные, похоже, ничто не может остановить силу шторма, которая скоро обрушится на меня.

Гром и молнии снаружи подчеркивают его действия, и я приветствую каждую частичку его примитивной ярости. Наклоняясь вперед, он удивляет меня, медленно пробегая кончиками пальцев вдоль моей ноги, прежде чем начинает скользить выше по моему бедру, снимая чулок. Он целует каждый участок кожи сначала с внутренней стороны бедра, потом под коленом, и, наконец, чувствительную сторону моей лодыжки.

Передвинувшись к другой моей ноге, его пальцы скользят гораздо выше по моему бедру, заставляя меня задержать дыхание. Но он проводит пальцами вниз по моей ноге, легко целуя в разных местах, перед тем как снять второй чулок полностью. Когда он заканчивает, мое тело опять начинает сжиматься и дрожать от нового возбуждения.

Выпрямившись, он снимает лук и колчан, затем расстегивает ремень и рубашку. Его потрясающий вид, заставляет меня задержать дыхание, пока он пристально смотрит на меня сверху вниз перед тем, как снять маску. Рада понять, что не только меня возбудило то, как он снимал мои чулки.

Очертания его сильных широких плеч и подтянутого тела, заставляют меня сильно хотеть исследовать языком каждый дюйм его тела. Мне грустно, что слишком темно, и я не могу увидеть больше, чем игру теней на его лице от колышущихся на ветру деревьев снаружи за окном, но с другой стороны, это означает, что он не может толком увидеть и меня.

Я протягиваю руку и снимаю свою маску. Я хочу целовать его без нее. Не хочу, чтобы что-то стояло между нами. Мы будем просто прятаться в тени.

— Твое имя, — требовательно спрашивает он.

Я стягиваю платье через голову и бросаю его ему.

Вот мой ответ.

Он сжимает материал в кулаке, затем роняет его на пол. Потянувшись к моим лодыжкам, он хватается их руками. Вспышки молний вдалеке на миг освещают верхнюю часть его лица. Опять в комнате становится совсем темно, и единственное, что я представляю — дикий взгляд его удивительных глаз, он мощным рывком тянет меня к себе, и говорит грубым, соблазнительным тоном:

— Тогда я буду просто называть тебя — Моей. — Он раздвигает руками мои бедра, прижимая их к кровати, тихо приказав: — Держи их так, — я подчиняюсь, находясь в страстном предвкушении, закручивающемся в моем животе. Я открыта, но он уже видел мои уродливые стороны, когда я была настоящей и сломленной. Он просто не знает об этом сейчас.

Он медленно опускает голову к моим мокрым трусикам, низкий стон вырывается из его горла. Я сглатываю, когда он вдыхает мой запах, выпуская низкое рычание от удовольствия.

— Твой запах сводит меня с ума.

Блэк не дотрагивается до того места, где мне хочется, чтобы он потрогал. Вместо этого он проходится языком у края моего нижнего белья, и я чувствую потрясающее эротическое ощущение тепла, но он опять не продвигается ниже, куда мне хочется, из-за чего я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать во весь голос.

Я дотрагиваюсь до его темных волос, пытаюсь притянуть его голову ближе, но он приподнимает ее, отрицательно покачав.

— Держи руки на кровати, если хочешь, чтобы я заставил тебя кончить.

Стиснув зубы, я сжимаю мягкое покрывало под собой, жалея, что не могу зарыть свои пальцы в его густую, шелковистую массу волос. *Она такая же мягкая, как выглядит? И какой у нее запах?*

Он хрипло шепчет свое одобрение, нажимая большими пальцами по обе стороны от моего входа, раскрывая шире мои складочки. Я стону, когда он начинает стаскивать с меня белье, слегка потянув ткань вверх, отчего она начинает тереться о мой клитор, заставляя меня дрожать.

Затем он проходится языком вдоль чувствительной кожи, уже так близко, но все же не касаясь *того* места.

— Ты не достигаешь правильного местечка, — говорю я, напрягаясь всем телом, нуждаясь в его движениях.

Он усмехается и просовывает руки под мою задницу.

— Это то, чего ты хочешь? — ощущения от его языка на моем нижнем белье непроизвольно заставляют мои бедра приподняться, чтобы открыть ему больше возможности.

— Ты такая сладкая, — шепчет он, прижимаясь ко мне носом и вдыхая мой запах через мои мокрые трусики.

Его действия настолько первобытные и возбуждающие, что мои внутренности сжимаются.

— Тогда попробуй меня на вкус, черт побери! — требую я отчаянным голосом... Отчаянным от потребности в нем.

Он опять скользит языком по моему нижнему белью, я приподнимаю бедра и с трудом дышу.

— Скажи, что ты моя, — рокошет он.

Ему не придется просить меня дважды. Я уже его.

— Я твоя.

Издав звук глубокого мужского удовлетворения, он немного оттягивает мои трусики и разрывает их. Мне плевать. Мои бедра в этот момент сами по себе двигаются к нему навстречу.

Когда он засовывает в рот мои трусики, сосет их и стонет, а его взгляд прикован ко мне, я хочу вырвать чертов материал. Я завидую своим трусикам, находясь почти в бреду. Мне необходимо почувствовать его рот на своей киске. Я ловлю себя на мысли, что громко всхлипываю от того, как он наслаждается моим вкусом, черт побери. *Что он делает со мной? Я не могу даже четко мыслить.*

— Я уже иду к тебе, — обещает он, отбросив мои трусики на пол. Блэк нагибается и проходится своим теплым языком по моим складочкам вверх и вниз.

В следующую секунду он сосет мой клитор, и я кричу от удовольствия, безудержно прижимаясь к его горячему рту. Я хочу все, что он может дать, и даже больше.

Из его горла вылетает низкий рык, он сжимает мою задницу, погружаясь языком глубоко внутрь. Я пытаюсь обернуть ноги вокруг его шеи, чтобы притянуть еще ближе, но он останавливается и приподнимает голову.

— Лежи на кровати.

— Но...

Его темные брови поднимаются вверх.

— Ты отдаешь себя мне?

Я с трудом сглатываю и киваю, мрачная соблазнительная улыбка появляется на его губах.

— Тогда бери, что даю, и верь мне.

Я действительно верю ему, поэтому вздыхаю, и мои ноги падают обратно на кровать в полной капитуляции.

Как только я отдаюсь в его руки, он проводит языком по моим складочкам и погружается еще глубже. Издавая глубокие стоны, он выдыхает и говорит:

— Черт подери, чем больше ты возбуждаешься, тем лучше ты на вкус. Я мог бы вкушать твою сладкую киску всю ночь напролет.

Мой пульс скачет с невероятной скоростью. Я хныкаю и пытаюсь придвинуться ближе, нуждаясь в большем.

— Это то, чего ты хочешь? — спрашивает он, скользя пальцем глубоко внутрь меня, и захватывая мой клитор губами, потягивает его.

Я непроизвольно выгибаюсь.

— Да, еще.

Он добавляет еще один палец, затем начинает двигать ими, полностью вытаскивая и погружая опять, и со стоном выдыхает:

— Проклятье, ты чертовски узкая.

— Ничего удивительного, — бормочу я, как бы про себя. Он внезапно останавливается и поднимает голову, уставившись на меня, я напряженно спрашиваю: — Что?

— Ты... это твой первый раз?

Я прикусываю губу и киваю, желая, чтобы он узнал, что специально выбрала его.

Видимо это был неправильный ответ, потому что он резко вытаскивает пальцы и

поднимается с кровати, обхватывая голову.

— Какого хрена? — пройдясь пару раз, он останавливается и с рыком, глядя на потолок, восклицает: — Зачем ты это делаешь?

Его голос такой злой, чувствуется, что он еле сдерживается, чтобы не взорваться, я упираюсь спиной на подушки.

— Я надеялась, что мое рвение заменит отсутствие опыта. Но, вероятно, это не так.

Он опускает на меня взгляд, его кулаки сжаты по бокам тела.

— Тебе надо было сделать это с кем-то другим. Я не заслуживаю этого.

— Я предложила тебе сделать это, — говорю я, его слова сжимают мое сердце.

Дернувшись, он отрицательно качает головой.

— Не со мной.

Похоже, он считает себя недостойным, на самом деле это так далеко от истины.

— Я хочу *тебя*.

Это всегда был ты.

— Почему?

Его голос полон тоски и неприкрытого желания, поэтому я отвечаю ему честно, возвращая его слова обратно к нему.

— Ты исключительный. Определенно, ты нечто особенное.

Он садится на кровать, скользя пальцем по моей лодыжке, как будто он не может не прикасаться ко мне.

— Я так сильно тебя хочу, что мои яйца стягивает от боли, но первый раз должен быть с тем, кто...

— Ты знаешь, как заставить меня кричать? — прерываю я. — Мужчина, который знает все эрогенные зоны женского тела, и как именно ими управлять, чтобы заставить кончить. Почему бы мне не хотеть этого в первый раз? Я, может, и девственница, но далеко не наивная, Себастьян. — *Поверь мне, как раз я недостойна тебя, но не ничего не могу с этим поделать, чем желать большего от тебя.*

Его большой палец замирает на моей лодыжке, потом начинает кружить на сгибе моей ноги.

— Я постараюсь сделать это запоминающимся.

Мое сердце наслаждается надеждой, заполняющей грудь, заставляя пульс снова стучать с бешеной скоростью.

— Ты собираешься закончить то, что начал?

— Скажи это снова, — говорит он, перемещая руку вверх по моей ноге.

Кровь стучит у меня в ушах. Я боюсь двигаться, боюсь вздохнуть.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Скажи мне, что ты моя.

— Я твоя, Себастьян. Вся твоя.

Рыча от моего согласия, он хватает меня за ноги и одним мощным рывком тянет по кровати, пока мы не оказываемся нос к носу.

— Твое имя... — начинает он, положив мои ноги себе на бедра, затем скользит рукой к моим бедрам, собственнически прижимая их к кровати: — Если я собираюсь быть твоим первым, то меньше, что ты можешь сделать, это сказать мне свое имя.

Наше дыхание смешивается. Мы оба часто и тяжело дышим, испытывая необходимость в сексуальной потребности друг друга, которая искрится между нами от невидимых

электрических зарядов.

— Я — Рэд.

Его рот превращается в одну тонкую линию от разочарования, и плечи напрягаются еще больше.

Я обхватываю его лицо руками, чувствуя, как напряжены мышцы.

— А ты — Блэк. Вместе мы страсть. Ты был прав насчет этого...

Он не дает мне договорить, накидываясь на мои губы, сжав пальцами мои волосы и удерживая меня крепко за них, как будто боится, что я сбегу.

Я сжимаю ноги крепче вокруг него, пытаюсь подтянуться к нему, но он быстро меняет позицию, прижимая меня своей мускулистой грудью, и заставляет опуститься на кровать.

Пока он всепоглощающе целует, его руки скользят по всему моему телу, обхватывая бедра и удерживая их на своих. Я чувствую его эрекцию, которая упирается в мою кисть, создавая трение. Я мурлычу, вращая своими бедрами под ним.

— Ты такая красивая, — хрипит он в мой рот. Я чуть ли не вжимаюсь в него еще сильнее, он быстро хватается за мои руки, вытягивая их над головой и удерживая запястья.

Я глубоко вздыхаю, он прижимает эрекцию к моей кисте, наклонив голову, чтобы захватить в рот один из моих торчащих сосков.

Я дышу с трудом и извиваюсь под ним, нуждаясь в еще большем.

Он передвигается к моей другой груди, посасывая с большим усилием, тем самым подхлестывая мое возбуждение.

— Твои штаны, — говорю я, затаив дыхание, распластавшись под ним. — Сними их.

Он издает сдержанный смешок.

— Ты — оголенный провод. Позволь мне управлять твоим желанием, — шепчет он, наклонившись к моему уху, и его голос, словно бархат, скользящий по моей коже. — Это будет того стоить, Рэд. Обещаю. Я не буду держать твои руки, но хочу, чтобы ты держала их над головой. Не дотрагивайся до меня.

Я стараюсь держать свои руки, как он и сказал, но когда Блэк сжимает мои груди, я моментально вцепляюсь ему в плечи, выдыхая:

— Я хочу прикоснуться к тебе, к каждой частичке.

Его взгляд становится разгоряченным, выражение лица становится напряженным, его ноздри раздуваются, и он резко выдыхает:

— Еще нет.

Я не сразу отцепляю руки от его плеч, и он отстраняется. Я удивляюсь, видя довольную улыбку, искривляющую его губы, когда он отворачивается, чтобы схватить что-то с пола.

— Подвинься назад немного, — командует он, опираясь коленом на кровать.

Я перевожу глаза на мягкий кожаный ремешок от костюма у него в руках, мое сердце пропускает удар, но я делаю, как он просит.

— Подними руки над головой.

Когда я не сразу подчиняюсь, он опускает ремень на мою грудь, затем медленно передвигает его по моим соскам, и грубые края ткани повышают возбуждение моих и так сверхчувствительных сосков. Я шумно втягиваю воздух и, прищурившись, смотрю на него.

— Я не хочу быть привязанной.

— Ты показала, что у тебя нет силы воли, — высокомерно говорит он. Когда я задираю подбородок вверх, уже готовая опровергнуть его заявление, он прерывает меня спокойным тоном: — Я должен сказать еще раз? — его прикованные ко мне глаза заставляют мое

дыхание вырваться со свистом и возбуждением. В его светлом и темном глазах нет никакого принуждения, но они уже вжали меня в постель, создавая напряжение в плечах. Он, словно пантера, готовая прыгнуть, если я осмелюсь не повиноваться ему.

Но я так хочу быть поглощенной им, поэтому молча поднимаю руки.

Кивнув, он подкрадывается ко мне и быстро обхватывает мои запястья, привязывая к деревянным перекладинам спинки кровати позади меня.

Чтобы показать, что он до конца не взял верх надо мной, и прежде чем он отодвинется, я прижимаю губы к его жестким мышцам внутренней поверхности бедра.

Блэк резко выдыхает, затем с молниеносной скоростью оказывается лицом к лицу ко мне, приподняв мой подбородок. Согнувшись надо мной, он тянет меня на середину кровати, и его большое тело нависает надо мной стальными мышцами и доминирующим магнетизмом, когда он захватывает мои губы всепоглощающим поцелуем.

Моя грудь оказывается между его бедер, и я чувствую всю длину его возбужденного члена. Я целую его в ответ с той же лихорадочной страстью, снова испытывая дрожь от сильного желания.

Он разрывает наш поцелуй и упирается лбом в мой. Наше дыхание смешивается, сердца колотятся, и я дергаю за ремень, удерживающий меня.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы мои руки были связаны? Я могу назвать как минимум одно место, которое хотела бы обхватить руками.

— Дерзкая девчонка, — хрипит он и кусает мою нижнюю губу, опускаясь на кровать и скользя вниз по моему телу.

Я прикусываю нижнюю губу между зубами, и еле дыша от предвкушения, наблюдаю, как его руки скользят по моей коже. Когда он еще раз сжимает мои соски, моя спина выгибается, и я стону от усиливающегося ощущения, нарастающего внутри меня. С мрачной улыбкой он крадется вверх по моему телу и приподнимает мой подбородок, попеременно проходится языком и прикусывает, опускаясь ниже по моей шее, вдоль груди, затем вниз к пупку, и я начинаю дрожать, пока он проделывает все эти манипуляции со мной. Я безумно хочу, чтобы он оказался у меня между ног.

Когда его теплые губы, наконец, опускаются на мою киску, я до такой степени напряжена, но все равно заставляю себя замереть. Мое тело выгибается ему навстречу, я хочу соединиться с ним там, где жажду его больше всего. Потом он обхватывает мои бедра каким-то собственническим захватом и впивается в мой клитор, усердно начиная сосать его, пока я, содрогнувшись, со свистом втягиваю воздух и напрягаю свои бедра для восхитительной атаки.

— Нравится так, да? — поддразнивает он, толкнув два пальца внутрь меня.

Пот ручейками стекает по вискам. Я стону, потому что мое тело до такой степени напряжено и вибрирует, словно струна, нуждающаяся в освобождении. Его мужской запах ударяет прямо в нос. Я глубоко вдыхаю, стараясь представить каждую деталь, как он мастерски скользит своими пальцами в меня и выходит из моего тела.

— Мне необходимо сначала подготовить тебя, чтобы не было так больно. Понимаешь?

В его мимолетных импульсивных знаках внимания есть что-то невероятно трогательное и соблазнительно сексуальное, от жестокого собственника до нежного любовника, и наоборот, пока его горячее дыхание опять не опалает мою киску. Все в нем усиливает мои чувства, дразня еще больше. Я киваю в ответ, и он полностью накрывает меня своим ртом.

Когда Блэк добавляет еще один палец внутрь, одновременно дразня клитор, прикусывая

зубами, мои ноги сами собой начинают дрожать.

— О боже. О боже. Я собираюсь...

— Еще нет, — сурово говорит он. Его руки перестают двигаться, и он оставляет мягкие поцелуи возле моего лона.

Я хныкаю и упираюсь пятками в одеяло, пытаюсь заставить его дать мне то, что я больше всего хочу. Нежными поцелуями он проходится вверх по внутренней стороне моего бедра, потом движется вниз, в сторону моей киски, но не дотрагивается до нее. Я наконец-то понимаю, он тянет время для того, чтобы я успокоилась.

Как только мои бедра опускаются на кровать, он начинает целовать и сосать клитор, в то время как его пальцы входят и ласкают, исследуя каждую частичку внутри меня. Снова и снова он повторяет это до тех пор, пока моя голова не запрокидывается назад, тело начинает дрожать, и я впадаю в какое-то бессознательное состояние.

Волны тепла обволакивают мою кожу, и я молю его:

— Пожалуйста, пожалуйста, Себастьян.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он спокойным и контролируемым голосом. Он замедляет чувственное скольжение пальцев внутри меня, затем просто вынимает их, скрежеща зубами и неспешно отодвигаясь. Я вижу бусинки пота, появившиеся у меня между грудями. Моя кожа становится настолько чувствительной, горячей и натянутой, что появляется ощущение, будто он колет ее иголочками.

— Дай мне кончить! — требую я сквозь стиснутые зубы.

— Вот это моя девочка, — самодовольно говорит он, алчно и неистово поглощая мой клитор, удерживая меня. Раньше он не делал такого.

Я выкрикиваю его имя, когда неистовое напряжение возрастает в моем теле, выливаясь в судороги удовольствия и умопомрачительных сокращений. И хотя мои руки привязаны к кровати, на самом деле я ощущаю себя накрепко прижатой его руками и ртом, и словно впадаю в какой-то сюрреалистический сон, из которого не хочу просыпаться.

Как только у меня восстанавливается дыхание, он последний раз страстно, протяжно и медленно лижет киску по всей длине, затем встает на ноги, снимает свои штаны, потом заглядывает внутрь прикроватной тумбочки и достает презерватив. Мой взгляд прикован к действиям, которые производят его руки, раскатывая защиту и надевая на очень впечатляющий член.

Затем он опускается на колени, я срываюсь с места, дергая за ремень, и сажусь. Он такой огромный, толстый и длинный. Он превышает Боба, по крайней мере, на три дюйма. Черт побери!

— Ты слишком большой, — говорю я, боясь, что он разорвет меня надвое.

Он без особых усилий отодвигает мои пальцы в сторону и, потянув за один конец ремня и развязав, освобождает меня. Прежде чем я задумываюсь над его манипуляциями с магическими узлами, он обхватывает мое запястье и притягивает мою руку к своей эрекции.

— Ты примешь его полностью.

Я испытываю настоящую панику, думая, что он сожмет мои пальцы вокруг своего члена, но он отпускает мою руку, и только кончики моих пальцев слегка касаются его. Я выдыхаю и чувствую, как у меня спадает напряжение. Доверие, которое я испытываю к этому мужчине, заставляет таять мое сердце, потрясая меня до глубины души. Вздохнув, я наслаждаюсь значимостью момента, и это ощущение поднимается глубоко в моей груди. Я слегка скольжу пальцами вокруг члена. Мне нравится, что он предоставляет мне полную

свободу действий. Блэк вздрагивает и стонет, когда я сжимаю его, наслаждаясь тем, что могу заставить его испытывать такие глубокие чувства.

Закусив губу, я начинаю скользить пальцами по головке, он приподнимает мой подбородок, наклоняется, захватывая мой рот очередным опустошительным поцелуем и шепчет прямо мне в губы:

— Скоро ты будешь умолять меня о каждом сантиметре, маленькая Рэд.

Мысль о том, чтобы слиться с ним воедино, полностью отменяет мои опасения, и пальцы рефлекторно сжимаются вокруг него. Он прикусывает мою нижнюю губу, выдыхая с глубоким стоном мне в рот, его бедра двигаются вперед.

— Ложись на спину, — гортанно говорит он.

Склонившись надо мной, он оставляет соблазнительный поцелуй на моей щеке, медленно вставляя головку внутрь меня. Блэк слегка отстраняется, и я с шумом выдыхаю, пытаюсь восстановить свое неровное дыхание. Похоже, все не так уж плохо. Я приподнимаю свои бедра, поощряя его к продолжению.

Он отрицательно качает головой.

— Не спеши.

Я опускаю ладони на его напряженную грудь, наслаждаясь ощущением мышц, играющих под моими ладонями, затем провожу по широким плечам, обхватываю его за шею и притягиваю к себе для поцелуя.

Его неистовый взгляд впивается в меня, не выпуская ни на секунду, он жадно целует меня в ответ, язык в страстном танце закручивается с моим, проникая все глубже... вкушая меня, и мое тело полностью напрягается, блаженно откликаясь.

У меня невольно вырывается стон, и я снова приподнимаю бедра ему навстречу. Я провожу ногтями вниз по его спине в восторге оттого, что он наконец позволил мне прикоснуться к нему. Каждый его мускул, выгибается от его движений. Создается ощущение, будто его тело вылеплено, его красота заставляет мой рот наполняться слюной.

На этот раз он продвигается еще глубже, и я издаю низкий, довольный стон, получая удовольствие от острой боли, ведь мое тело сопротивляется его длине. Медленно, очень медленно, мои мышцы становятся словно раздавленными.

Он дышит урывками, его бедра двигаются вперед, продвигаясь все глубже.

— Святое дерьмо! Ты чертовски тугая.

Он удерживает себя на твердых как камень, руках. Зависнув надо мной, напряженно выгибает спину, готовый к освобождению, и мне совершенно не нравится, что он сдерживает себя. Я делаю рывок вперед, приподнимая бедра к нему, заставляя его взять меня, в конце концов.

Я замираю от резкой, жгучей боли, проглотив свой крик. Мне чертовски больно, но я не могу себе ничем помочь или унять эту жгучую боль.

Он застывает, оставаясь совершенно неподвижным, и чертыхается себе под нос.

— Зачем ты... Ты в порядке?

Он не двигается, оставаясь глубоко внутри меня, и его яйца слегка дотрагиваются до моих складочек, я сжимаю внутренние мышцы влагалища, притягивая его глубже в себя.

— Я не стеклянная, Себастьян, и хочу, чтобы ты дал себе волю и был со мной самим собой. Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Он выдыхает с шипением, и красивые черты его лица напрягаются, он на грани. Наклонившись вниз ко мне, проводит носом по моей щеке и хрипло шепчет мне в ухо:

— Ты будешь чувствовать меня завтра. Когда начнешь писать, то все будет гореть, сядешь — будешь извиваться от боли, когда ты скрестишь ноги — будет пульсировать. Любое твоё движение станет для тебя некомфортным, и ты будешь вспоминать меня, потому

что я был там. — Видно, чтобы заострить внимание на том, что он только что сказал, он входит еще глубже, забирая мое дыхание. — Ты так хочешь? — его голос звучит как-то удивленно, многообещающее и интригующе — все одновременно.

Я обхватываю его шею и медленно киваю.

— Если я не смогу сидеть, по крайней мере, три дня, то ты хорошо постарался. — Его дыхание становится прерывистым, когда я запускаю пальцы в его густые волосы и удерживаю его взгляд. — Я всегда ставлю на черное. Теперь сделай же это незабываемым.

— Думаешь, ты сможешь состязаться со мной? — он бросает вызов, затем отодвигается и медленно возвращается внутрь меня, задавая неторопливый темп.

Я двигаю бедрами вместе с ним, удовольствие нарастает во всем моем теле. Он противится моим движениям, подсовывая руку мне под задницу. Блэк крепко сжимает меня, громкое рычание вырывается из глубины его груди, перед тем как он резко и жестко входит одним мощным толчком.

Я кричу от оргазма, который из моего лона проносится по всему телу. Крепко стискивая кулаки и опуская свое тело, прижатое плотно к нему, я желаю, чтобы его спермы оказалась внутри, но он не кончил. Ни капельки.

Его дыхание вырывается грубыми толчками, необузданными порывами, он скользит рукой по моему бедру, поднимает мою ногу и кладет себе на бедро, создавая лучший доступ.

В этот раз, когда он делает очередной рывок, я клянусь, что вижу звезды, испытывая такое потрясение от удовольствия, которое, по-моему, ударяет мне в голову. Я впираюсь ногтями в его спину, одной ногой упираюсь в его напряженную задницу, другую вдавливаю в мягкую кровать и встречаю каждый из его толчков в ответ своими.

— Рэд, — скрежещет он. — Черт побери, с тобой так хорошо. Ты словно мой собственный гребаный прекрасный эротический сон.

Я знаю, что некоторое время у меня все будет болеть, и, наверное, останутся синяки. От его хватки на моей заднице и бедре точно останутся кровоподтеки. Он офигительно большой, с невероятно сильным телом, словно сталь, на которую натянули кожу. Но сейчас меня это не волнует. Мне нравится его натиск. Пройдясь ногтями вниз по его спине, я стимулирую его движения.

— Это два дня, а не три, — поддразниваю я его, задыхаясь.

Он рычит, хватая мою другую ногу, закидывает себе на бедро и начинает толкаться жестче, вбиваясь в меня.

На этот раз в моем крике слышится смесь удовольствия и боли. Новое положение позволяет ему входить намного глубже, и я знаю, что он прав, и мне точно какое-то время тяжело будет сидеть.

Пот капает с его лица мне на грудь, но единственное, что я чувствую — жар и желание. Великолепное предвкушение нарастает, от которого закручиваются пальцы на ногах, поднимается вибрация снизу моего живота и конечностей.

В следующую секунду приходит второй мой оргазм, и из его горла вырывается хрип.

— Возьми меня, возьми всего. — И он вколачивается в меня все глубже и глубже. Он не останавливается, продолжая двигаться так, что у меня вибрирует каждая клеточка тела, я никогда такого не испытывала. И я соглашаюсь взять все, что у него есть, все, что он может дать, и с шоковым состоянием понимаю, что мое желание заново начинает закручиваться во мне. Он не останавливается, пока я не кончила еще раз, выкрикивая его имя и выгибаясь навстречу ему. Только после этого он издает какой-то грудной глубокий рык удовлетворения

и падает на меня всей своей грудой мышц.

Я лежу слегка заторможенная, он поворачивает мою голову к себе и прижимается лбом, смотря в глаза. Когда наше дыхание постепенно приходит в норму, он проводит носом по моей щеке, оставляя нежные поцелуи на всем пути.

— Моя, — шепчет он на ухо, затем наклоняется к прикроватной тумбочке за салфетками.

Прежде чем я в состоянии пошевелиться, он поворачивается и притягивает меня к своему большому телу, как бы подбирая под себя, укутывая в колыбель своих мускулов, и, обернув руку вокруг моей талии, крепко удерживает меня на месте.

Так мы вместе лежим, слушая дождь. Циферблат часов на тумбочке светится и мигает — 1: 11. Всего лишь пару секунд это мигание как-то беспокоит меня, затем он тянется вперед, и свет от часов на мгновение освещает мое лицо.

Он нажимает на кнопку, и в комнате становится темно. Тихо, со спокойствием выдохнув, я спрашиваю:

— Это твоя комната?

Он ложится обратно позади меня, проведя пальцами по бедру.

— Я остаюсь здесь, да.

Комната Мины оформлена совсем по-другому (как любая комната молодой женщины): яркими подушками на кровати и подобранными к ним по цвету шторами; плакаты, висящие на ее стенах, а призы и фотографии с танцев, стоят на столе. В ее комнате присутствуют воспоминания всей ее жизни, и за счет этого она выглядит живой. В отличие от его. Эта комната похожа на гостиничный номер с голыми стенами, только часы, телефон и туалетные принадлежности на тумбочке.

— Но ты никогда не жил здесь. — И это не вопрос.

Его пальцы останавливаются.

— Я прихожу только, когда Изабель нет здесь. Она и мой отец уехали на выходные, поэтому здесь устроили вечеринку, чтобы Мина вновь влилась в реальный мир. Маски придумали, чтобы всё прошло легче.

— Если ты не живешь здесь, где же ты жил в детстве? — спрашиваю я, прежде чем задумываюсь над тем, что спросила.

Я чувствую, как он напрягается позади меня, его рука скользит мне под грудь, он прижимается в нежном поцелуе к моему плечу.

— Если ты не передумала ответить на мои вопросы, то я тоже больше ничего не расскажу.

Я закрываю глаза, желая сказать ему свое настоящее имя (Господи, я бы все отдала, чтобы услышать, что он скажет), пока мы делим такую страсть, но что хорошего это бы дало? Не похоже, что я увижу его снова. Как же это несправедливо, что единственную ночь, которая связывает нас вместе, я никогда не смогу обсудить с ним. Я не хочу ворошить прошлое, но оно никуда не делось и по-прежнему существует. И, похоже, он из тех, кто хотел бы знать. Нет, Блэку нужно узнать. Он не забудет об этом.

Его мать умерла, и он никогда не жил с отцом. Но мне нужно узнать, была ли у него семья, к которой он мог пойти домой в тот вечер, когда помог мне. Мне всегда казалось, что была. Может, я ошибалась.

— Я расскажу тебе одну вещь о себе, если ты ответишь на мой вопрос, — тихо говорю я.

Он зарывается носом в мои волосы, глубоко вдыхая мой запах, медленно проводит

пальцами по моему бедру и двигается вверх к животу. Мне уже кажется, что он не будет отвечать, когда вдруг говорит:

— Я жил у брата моего отца. Колдер — мой двоюродный брат. Дядя Джек был мне как отец.

Ах, теперь все понятно. Он сказал, что практически вырос с Колдером.

— Твоя очередь, — говорит он, целуя верхнюю часть моего уха, пока его большой палец неторопливо скользит вдоль моей груди.

Я кладу голову на его выпирающий бицепс и чувствую силу его стальных мускулов под своим виском.

— Написание статей — это своеобразный способ выразить себя. Я всегда хотела быть журналисткой. Это возможность информировать, уговаривать...

— И разрушать тоже, — говорит он, обхватывая мою руку. — Я надеюсь, все, что произошло между тобой и моей сестрой, будет держаться в строжайшем секрете.

В его голосе слышатся нотки напряжения, и опять вернулась его забота за близких. Я киваю.

— Мы с Миной пришли к взаимопониманию.

— Хорошо, — говорит он, прижимая теплые губы к моему виску.

— Кто старше? Ты или Гэвин?

— Я, у нас разница в пять месяцев.

Я изучала все, что касается семьи Блэйков, причем очень настойчиво. Изабель родила Гэвина через десять месяцев, после того как вышла замуж за Адама. Это означало, что у Адама не было романа на стороне, как только они вступили в брак, хотя мое первоначальное предположение было именно таким. Я думала, что именно из-за этого отец публично не признал Себастьяна. Так почему Себастьян не позволяет говорить о том, что он принадлежит к семье Блэйков?

Он скользит пальцами по моим волосам и усмехается, думая о чем-то своем.

— Я практически слышу, как вращаются колесики в твоей голове. У тебя есть один последний вопрос.

— Почему твой отец не признает тебя?

— Полагаю, что тогда я поставлю его в неудобное положение. Ребенок, родившийся от свидания с официанткой. — Он пожимает плечами и опускает подбородок на мое плечо. — Когда я впервые приехал к нему, чтобы жить вместе, я был злой и непокорный. Я остался без своей мамы. Изабель же очень возмущало мое внезапное появление в их доме. Когда я потерял свой подарок на день рождения, в тот же день мой отец подарил мне другой, а Изабель обвинила меня, что я продал его за наличные, потому что, по ее словам, так и делают отбросы общества. В ответ я сказал ей не очень приятные вещи. И после этого меня отправили жить с моим дядей, братом отца. С тех пор мы не были близки с отцом. Я был зол на всех какое-то на время, но, по правде говоря, жизнь с моим дядей оказалась самым лучшим чертовым событием, которое когда-либо происходило со мной, — отвечает он, и добрая улыбка расцветает на его губах.

Хотя его любовь к его дяде видна невооруженным взглядом, я тут же выпаливаю, прочищая свое горло:

— Какой подарок?

Он скользит пальцами вниз по моей руке, переплетая их с моими, и этот жест заставляет мое сердце таять.

— Часы.

Я изо всех сил зажмуриваюсь, сдерживая слезы, которые собираются в уголках глаз. Чувство вины с такой скоростью возрождается во мне, но прежде чем я в состоянии что-нибудь сказать, он перекачивает меня на спину.

— Поясни мне, что конкретно ты сказала Мине, чтобы она рассказала тебе историю.

Я отрицательно качаю головой, и он хватает меня за подбородок, очерчивая его линию пальцем.

— Я только что рассказал тебе о себе больше, чем кому-либо, никто ничего обо мне не знает.

Он выглядит таким искренним, и я на несколько секунд закрываю глаза, потом честно отвечаю.

— Я потеряла свою маленькую сестру давным-давно. Независящие от меня обстоятельства отняли у нее жизнь, поэтому я прекрасно понимаю, что чувствует Мина, потеряв Саманту.

Себастьян замирает, его глаза пытаются встретиться с моими.

— Мне жаль.

— Ее смерть была такой бессмысленной. Как и Саманты.

— Ты знаешь, почему Саманта покончила с собой?

Я киваю, он фыркает, явно разочарованный.

— Это намного больше, чем знаем мы, потому что Мина отказывается говорить на эту тему.

Я наблюдаю, как вокруг рта у него появляются морщинки.

— Просто поверь, я собираюсь сделать все правильно и предоставить Мине право поставить точку в этом вопросе, ведь это то, в чем она нуждается.

Он поворачивает голову и целует мою ладонь.

— Я верю тебе. У тебя есть способность получать то, что ты хочешь.

Если бы только это было правдой. Я беру в ладони его лицо и пробую оставить в памяти ощущение его крепкого, теплого тела, плотно прижатого ко мне; его опьяняющий запах одеколона, смешанный с запахом мускуса после секса, вызывающий болезненные ощущения между ног. Я чувствую боль внутри себя так глубоко, потому что уже грустно потерять его после сегодняшней ночи. *Я бы никогда не позволила тебе уйти. Никогда.*

— А ты поставила точку в деле своей сестры? — спрашивает он, застав меня врасплох. Опять же, я уже не должна удивляться. Он невероятно внимательный, даже когда кажется расслабленным, и это одновременно очень сексуально и пугающе.

— Да, делая все правильно для Миной, это поможет и мне, — загадочно отвечаю я.

Себастьян пристально смотрит на меня в течение нескольких секунд, и я чувствую, что он хочет спросить что-то еще, но вместо этого просто говорит:

— Если тебе понадобится моя помощь, просто скажи.

Я улыбаюсь и обхватываю его за шею руками.

— Ты уже помог мне, разрешив поговорить с Миной. — Это и так уже слишком много для меня значит, но ты никогда не узнаешь об этом.

Он скользит руками вниз по моей шее к груди, лаская ее ладонями. Пройдясь большим пальцем по изгибам, он медленно двигается к моему соску.

— Ты понимаешь, что только что сделала себя еще более соблазнительной, да? Я готов ко второму раунду... А все остальное ты расскажешь мне о себе, когда будешь умолять меня,

чтобы я дал тебе кончить, — говорит он, перед тем как опустить голову и прижаться своими губами в горячем поцелуе.

Он говорит, что это был только первый раунд? О дерьмо, дерьмо, дерьмо! Тогда у меня не будет никакого способа удержать свой рот на замке, если он попытается узнать, что-то большее от меня, потому что парень слишком хорош в манипуляции с моим телом. Самый безответственный предатель не устоит в его руках, поддаваясь роскошному, сексуальному мастерству.

Но пока в моих мыслях происходит такой водоворот, его губы двигаются по моей щеке, потом требовательно опускаются на мой рот, сочетая в себе пьянящую решительность и мастерство хищника. Я прячу свое лицо в полумрак, чтобы скрыть свою недосказанность, испытывая грусть и сожаление из-за того, что он мне рассказал о своем прошлом. Потянувшись к нему, я обвиваю руками его шею и целую, надеясь заполнить пустоту, образовавшуюся внутри меня, даже если это ненадолго.

Себастьян полностью подминает меня под себя, когда вибрирует его телефон на прикроватной тумбочке, потом он замолкает на мгновение и начинает звонить снова. Блэк хмурится, поглядывая на экран.

— Лучше бы это было важно, — ворчит он в трубку, затем слушает и поглядывает на меня. — Да, я знаю, где находится Скарлетт. Я приведу ее.

— Кто это? — спрашиваю я, испытывая панику. *Вдруг Гэвин понял, кто я на самом деле? Вдруг Мина рассказала ему?*

Он отключает телефон.

— Селеста заперлась в гостевом туалете, видно перепив шампанского. Колд хочет отвезти ее домой, но она настаивает, чтобы это сделала ты.

— Я пойду выдворю ее оттуда, — говорю я, быстро сползая с кровати и поднимая свою маску с пола. Надеюсь, Кэс не раскрыла, кем она является на самом деле, и, черт побери, сохранила свою маску.

Надев свою маску, он оказывается рядом со мной и поднимает мой подбородок вверх, говоря совершенно решительно:

— Мы еще не закончили. Даже близко.

Я никак не могу успокоить своих порхающих бабочек внизу живота от его слов, осознав, что он хочет увидеть меня снова, и от этого у меня слегка кружится голова, хотя прекрасно понимаю, что лучше всего завершить все здесь.

— Мы можем встретиться где-нибудь в городе завтра? — спрашивает он, хотя я нахожусь полностью в своих тревожных мыслях. — Мне нужно кое о чем поговорить с тобой.

Я даже не могу себе представить, что такое возможно. И по идее я действительно должна сказать «нет», но не могу этого сделать, поэтому молча киваю. В городе есть очень старое кафе со столиками на крытой веранде. Маркус, мой школьный друг, сказал мне, чтобы я обязательно посетила его, пока буду здесь, потому что оно идеально подходит для того, чтобы насладиться кофе на лице.

— Ты знаешь «Grinder»? Я могу встретиться с тобой на открытой веранде в четыре часа дня.

Он протягивает мне платье, проведя пальцем по контуру моей маски, и победоносно улыбается.

— Завтра ты не сможешь спрятаться за маской, Рэд.

И я знаю, что не смогу. Я быстро натягиваю свое платье через голову.

Мы спускаемся по лестнице, и Колдер встречает нас у двери с Кэс, которая висит у него на руке. Он морщит лоб от беспокойства, когда она обвивает его шею и шепчет заплетающимся языком:

— Скарлетт, дооооставит меня домой. Я пьяная в жопу.

Себастьян и Колдер обмениваются взглядами, когда подъезжает такси, которое я вызвала.

— Разве у нее нет личного водителя? — спрашивает Колдер.

Ну, черт побери. Точно, Селесту бы забрал личный водитель, несомненно.

— Ой, она останется у меня сегодня вечером, поэтому мы решили, что обойдемся без водителя и вызвали такси.

Как только Кэс садится внутрь, я опускаюсь рядом с ней, чувствуя руку Себастьяна на своем плече.

— Подвинься, — говорит он шепотом.

Я хмурюсь и отрицательно качаю головой.

— У нас все будет хорошо, Себастьян. Возвращайся на свою вечеринку и извинись перед сестрой за меня.

Он прижимается своим ртом ко мне, решительно наклоняясь и продолжая слегка удерживать мое плечо.

— Я хочу убедиться, что ты нормально добралась домой.

Я сжимаю его руку в ответ.

— Все в порядке, с нами все будет хорошо.

Я слегка подпрыгиваю, когда он поспешно делает бантик из завязок плаща на моем горле, и мое сердце колотится более учащенно, стоит ему лишь прикоснуться ко мне. Он смотрит на меня секунду, поглаживая пальцем золотое сердечко, и хмурится, будто пытаюсь его правильно разместить. Я задерживаю дыхание и только чуть-чуть прихожу в себя, когда он обвивает свои пальцы вокруг моих. Приподняв мою руку, Себастьян оставляет теплый поцелуй на моей ладони.

— Завтра в четыре.

— Завтра, — повторяю я, стараясь не вздрагивать от дрожи, которая проходит по моей руке от его поцелуя.

Как только мы проезжаем пару кварталов, я говорю таксисту высадить нас на парковке, где мы припарковали машину подальше от дома Блэйков. Заплатив за проезд, я наполовину тащу, наполовину несу Кэс к ее машине.

— Мммм, от тебя пахнет одеколоном, — говорит она мне на ухо, пока я держу ее на себе, удерживая в вертикальном положении, и открываю дверь со стороны пассажирского сиденья.

— А ты пахнешь выпивкой. — Опускаю ее, и она чуть ли не падает на сиденье.

Я сажусь на водительское место и пристегиваюсь, смотря в зеркало заднего вида; пот покрывает мое лицо.

— Честное слово, Кэс. Ты даешь мне возможность заработать сердечный приступ, — говорю я, заводя мотор и вырывая с парковки.

— Кто же знал, что шампанское может так ударить в голову, — отвечает она, слегка постанывая.

Периодически я бросаю на нее взгляд и ничего не могу поделать, кроме как начать

посмеиваться. Ее маска задралась чуть ли не на волосы, и она прижимается лбом к прохладному окну.

— Хм, ты выглядишь уже лучше, но все равно дерьмово.

— Мне пришлось разыгрывать пьяную Селесту, прежде чем я ушла, но приятно слышать, что выгляжу ужасно, потому что чувствую себя еще намного хуже. Я рада осознавать, что точно привлекла к себе внимание.

Я отвечаю ей с ухмылкой.

— Селеста бы гордилась твоей игрой.

От моих комментариев у нее на губах отражается слабая улыбка, она поворачивает свое бледное лицо в мою сторону.

— Пожалуйста, скажи мне, что тебе, по крайней мере, удалось поговорить с Миной.

Я утвердительно киваю и поворачиваю на главную дорогу, говоря сухим тоном:

— Да. И, кстати, твой презерватив выпал в самый неподходящий момент.

Она злобно хихикает, морщится и прижимает ко лбу руки, у меня вырывается сдавленный смешок.

— Я надеюсь, ты наконец-то использовала презерватив? — спрашивает она, моргая и с трудом удерживая глаза открытыми. Думаю, это успокаивает ее головокружение.

— Я не буду рассказывать, — говорю я и направляюсь в сторону ее дома.

— Все-таки нет справедливости. Если ты переспала, то, по крайней мере, тебе стоит рассказать мне о своих сексуальных приключениях.

Я немного удивляюсь от ее комментария.

— Ты поладила с мистером ВМС?

Она кивает, затем хмурится.

— Жаль только, что он думает, будто бы целовал Селесту.

— К сожалению, в этом и есть недостаток, если ты притворяешься той, кем на самом деле не являешься, — отвечаю я шепотом, слишком хорошо понимая эту истину, которая застала меня врасплох сегодня вечером. Кэс не отвечает, я бросаю на нее мимолетный взгляд, а она, прислонившись к окну, уже слегка посапывает.

Глава 8

— Не трогай меня! Убери свои руки!

Паника захлестывает меня до исступления, я заламываю руки, сердце бешено колотится. К моей руке кто-то прикасается в темноте, обхватывая меня за плечи, и крепко сжимает. Наконец, доносится голос Кэс:

— Это кошмар, Талия!

Я переворачиваюсь на спину, глубоко втягивая носом воздух, затем выдыхаю, и у меня появляется ощущение, будто я готова свалиться в обморок.

Ее мягкая рука касается моего лица.

— Ты в порядке. Я здесь.

Сдерживаюсь, чтобы не заплакать, но несколько слезинок все равно катятся по щекам. Она проводит по ним, сметая костяшками пальцев, притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Все хорошо.

Когда я перестану плакать, тяжело дыша, она говорит:

— Ты не можешь держать это в себе, не хочешь поговорить об этом?

Я хватаю ее руку и отвожу, прижимаясь к ней.

— Нет.

Она прижимается ближе, и чувствую, как она кивает головой, уткнувшись сзади в мою шею.

— В один прекрасный день ты расскажешь мне об этом.

Я провожу пальцами по шрамам на ее запястье.

— Как и ты мне, правда?

Она только вздыхает в ответ, и я понимающе киваю.

— Я люблю тебя, Кэс, но ты все еще пахнешь выпивкой.

Тихо посмеиваясь, она еще ближе прижимается ко мне, крепко обнимая и целенаправленно выдыхая алкогольные пары мне в шею.

— Тьфу! — я пытаюсь выкрутиться и отодвинуться от нее подальше, но она еще крепче обхватывает меня. Мы начинаем заливисто хохотать, несмотря на наше совместное молчание, и я улыбаюсь, продолжая пытаться выбраться из ее объятий.

— Вспоминай о том, что вчера ночью ты наконец-то занялась сексом. Умей положительно мыслить.

Ее замечание заставляет меня замереть в ее объятиях.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что от тебя пахнет одеколоном и потом. — Она облизывает мою щеку и хихикает, когда я зажимаю рот и отодвигаюсь от нее подальше. — Ты мне так ничего и не рассказала. Вот откуда я знаю.

Я не говорю ни слова, мы просто лежим в тишине. Вспоминаю смутные обрывки сна, и невольно ко мне возвращаются воспоминания, когда Хейз в первый раз напал на меня.

Уолт вышел из квартиры, побежав по делам. Я особо не обращаю внимания на то, что он говорил, потому что готовлюсь к контрольной по математике, которая мне предстояла. Амелия спит в своей комнате.

Я слышу грохот от телевизора, который работает чуть ли не на всю катушку в смежной квартире, где Хейз с Джимми болеют за свои любимые команды. Я не помню, когда Уолт поставил совместную дверь, соединяющую наши две квартиры, но хочу его попросить, чтобы он сделал ее звукоизолированной. Хейз кричит мне, чтобы я принесла ему пиво из нашего холодильника. Проскрежестав зубами, я откидываю свой карандаш в сторону и делаю, как он просит, потому что не хочу, чтобы проснулась Амелия.

Джимми откидывает свои длинные до плеч, белокурые волосы назад и подмигивает, хватая пиво.

Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Он долговязый и безобидный, ему где-то около тридцати пяти. Фу!

Но больше всего мне никогда не нравился Хейз. Ему около сорока, худощавый и жилистый, с взъерошенными темно-русыми волосами и красным лицом. Несколько раз я приносила им пиво или пиццу, которую доставляли к нам, его темные глаза смотрели на меня с хищным блеском, пока он сидел в кожаном кресле, положив свою левую ногу на колено другой ноги. Я всегда старалась держаться от него на расстоянии, и даже сейчас остаюсь в стороне, протягивая ему пиво, и нетерпеливо говорю: «Вот».

Но он не просто забирает его у меня, а хватается за руку, дернув к себе и усадив на колени. Кресло закручивается от моего приземления, но он крепко обхватывает меня за талию и смеется.

— Черт, ты мне напоминаешь мою бабу, прежде чем она забеременела и потолстела, — говорит он. — Эта сумасшедшая дура перестала следить за собой после того, как произвела на свет это подобие сына.

Он начинает скользить рукой вверх по моей рубашке, я визжу от возмущения, колотя ногами по полу и пытаюсь оттолкнуть его, чтобы освободиться.

— Отпусти меня! Уолт убьет тебя!

Джимми тихо посмеивается, попивая пиво маленькими глотками и смотря на нас остекленевшими глазами.

— Он ни черта не сделает, — говорит Хейз, сжимая рукой мою грудь и наматывая мои волосы на кулак другой рукой. — Все это время я тосковал по огненным волосам на женском лобке. Такими же, как у Бренны.

Желчь подкатывает к моему горлу, когда он начинает тяжело сопеть, и что-то твердое упирается в мои ягодицы. Это что, его... О боже! Я ударяю его ногой по лодыжке, потом еще раз другой ногой, царапаю ему руки. Ничего не помогает, я не могу от него освободиться.

— Гребная сука! — кричит он, сильно дергая меня за волосы и вынуждая меня закричать. — Не дергайся, маленькая задирка. Я просто хочу попробовать на вкус.

Слезы катятся из моих глаз, и я рыдаю, пока он растягивает мой бюстгальтер и хватается за грудь своими грубыми пальцами. Это не случится. Это не произойдет.

В дверь влетает Уолт, его обычное бесстрастное лицо превращается в маску ярости, он моментально вырывает меня из лап Хейза.

— Какого хрена, Хейз! Она еще ребенок.

Хейз поправляет свой член в брюках и поднимает упавшее пиво на ковер. Открыв его, он пожимает плечами и вытирает вылившуюся пену о свои джинсы.

— Она возбудила меня, стоя там вся такая дерзкая.

Выпихивая меня в дверь нашей квартиры, Уолт бормочет:

— Пойди, покорми Амелию... И никогда не входи сюда. Никогда.

Амелии потребуется ее булочка. Я заминаюсь, пытаюсь застегнуть крючки на лифчике, прежде чем иду в ее комнату.

— Ей, бл*дь, всего лишь двенадцать лет, ты, извращенный сукин сын! — кричит Уолт.

— Будь осторожен в своих выражениях. Не забывай от кого ты зависишь, — парирует Хейз, угрожаящим тоном.

Прижав к себе напряженную Амелию, я несу ее в свою комнату, напевая, чтобы успокоить. Мое тело подрагивает от пережитого, я подхожу к окну и смотрю вниз. Мой взгляд останавливается на пожарной лестнице, я глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться, и продолжаю дышать, раньше мне это помогало. Мое сердце колотится, как бешеное, и взгляд опять останавливается на лестнице. Голоса Хейза и Уолта становятся более тихими, но я по-прежнему слышу, о чем говорят, ведь они забыли закрыть за мной дверь.

— Я не шучу, Хейз. Держи свои проклятые руки при себе.

— Тогда тебе лучше найти другой способ оказаться мне полезным, потому что сейчас она твой лучший актив.

— У меня есть несколько идей, как расширить сеть.

— Идеи — это дерьмо, Уолт. Мы не можем развиваться без денег. У меня есть зацепка на денежные транзакции. Некоторые «гнилушки» должны быть уничтожены.

— Мы не убиваем людей, — шипит Уолт.

Хейз фыркает.

— Мы делаем все, чтобы выжить, мудаки. Теперь заткнись и смотри игру.

— Перестань копаться в своих мыслях, — произносит Кэс мне в ухо, вытаскивая меня от тех ужасных переживаний, которые до сих пор живут в моей памяти.

Я уже долгое время не вспоминала о мудачке Хейзе. Наверное, мой разговор с Миной всколыхнул все это. Все оставшееся время, я жила в страхе, особенно, когда ложилась спать, что Хейз может прийти за мной, пока я сплю, поэтому каждую ночь ставила стул под дверную ручку, не доверяя хилому замку, который явно не мог его остановить.

Я вздыхаю и выдыхаю в темноте.

— Я еще не готова.

— Я поняла, потому что ты по-прежнему напряжена. Почему бы тебе не сказать мне, что будет сегодня днем в четыре, а?

Я мельком смотрю на часы. Четыре часа утра, мне нужно вставать через пару часов.

— Ты слышала?

Она фыркает.

— Я, конечно, была пьяна, но не глуха.

— Просто кофе, — отвечаю я, расслабляясь, потому что думаю о Себастьяне.

— Хорошо, — говорит она, уткнувшись носом сзади в мою шею. — Я тоже люблю тебя, Талия.

Я от раздражения дергаю плечами, ожидая в пробке, направляясь обратно в Хэмптон, после того, как съездила в дом моей тети на Манхэттене. Мне пришлось сегодня встать очень рано, но теперь я застряла в этой нескончаемой веренице машин.

Взглянув на часы, я крепче обхватываю руль. Почти два часа, если я буду двигаться такими черепашьими шагами, то не уверена смогу ли попасть в кафе к четверем.

Ожидание в пробке дает мне массу времени для размышлений. Теперь я совершенно по-другому рассматриваю и понимаю то, что происходило тогда между Уолтом и Хейзом. Мой ум ведет войну с моим сердцем. Сейчас, когда я знаю, что относилась к наркоторговцам, связанным с группой, которая, возможно, шантажировала Мину, несмотря на то, что это было восемь лет назад, я действительно не хочу, чтобы Себастьян узнал о моем прошлом или мое настоящее имя. Почему я встретила его опять?

Потому что он хороший парень. Ты чувствуешь это своим сердцем, Талия. Потому что, когда ты думаешь о нем, то начинаешь дрожать, и это не имеет ничего общего с тем, что, когда я первый раз сегодня писала, его имя вылетело из моего рта, как проклятие, и я вздрагиваю всякий раз, когда собираюсь пойти по нужде.

Я вспоминаю, как руки Себастьяна скользили по моей коже, с каким мастерством он играл моими самыми интимными частями тела, соблазняя меня снова и снова, заставляя мое тело гореть и желать. Я не могу избавиться от его образа в голове. От того с какой уверенностью он соблазнял, точно зная, как прикасаться. В памяти всплывают его губы, обрушивающиеся на мои, когда он привязал меня к кровати, и эта сцена снова и снова прокручивается в моей голове. Когда он навис надо мной, контролируя свое скольжение в меня, поцелуй Себастьяна был настолько всепоглощающим, возбуждающим и пленяющим все мои чувства.

Застигнутый врасплох, мужчина, подобный Себастьяну, не позволит никаким ненужным мыслям прокрасться незамеченным. Но, пожалуй, лучшее его качество, что когда он все контролирует, он может нейтрализовать их полностью. Но в момент, когда он испытывал собственное всепоглощающее желание, добиваясь полного ответа моего тела и направляя его так, что оно полностью подчинялось ему, он стал центром моей вселенной.

В вечерних тенях его мощная харизма была неотразимо соблазнительная, но боюсь, что при свете дня его грозный магнетизм будет намного сильнее, и я задаюсь вопросом, смогу ли справиться с ним. Я чуть ли не вцепляюсь в руль, ерзая на сиденье, в ожидании увидеться с ним, испытывая волнение и трепет.

Пару часов спустя, я паркуюсь намного дальше от «Grinder», через несколько магазинов, зазывающих своими витринами. Маркус говорил мне, что открытая веранда кафе огибает его по кругу, так как заведение находится на углу в конце торговых рядов. Я думаю подойти с другой стороны, чтобы взглянуть на Себастьяна при свете дня. Я уверена, что он уже ждет, потому что показался мне парнем, который никогда не опаздывает.

Я слегка сжимаю маленькую белую коробочку в руке, когда мой взгляд выхватывает белокурую голову, склонившуюся над ноутбуком. Маркус. Он сидит на кожаном диване в кафе, спиной ко мне на этой стороне веранды. Какого черта он здесь делает? Он же сказал мне, что собирается во Флориду на весенние каникулы. Наверное, его планы изменились.

Я прижимаюсь спиной к деревянной дощатой стене и перевожу взгляд на потолок. Я не

могу в это поверить. Как только я войду в кафе, Маркус тут же окликнет меня по имени. И я не могу гарантировать, что он не подойдет к нам, пока мы будем здесь. Мой пульс подскакивает, вызывая беспокойство, но он не узнает меня со светлыми волосами и в солнцезащитных очках. Тьфу... которые я забыла в машине.

Прежде чем тихонько направлюсь назад к своей машине, я не могу удержаться, чтобы не взглянуть хоть краем глаза на Себастьяна. При виде его все мое тело напрягается. Он действительно убийственно красивый мужчина. Засунув руки в карманы костюма, он стоит перед верандой, внимательно наблюдая за дорогой. Если я думала, что Гэвин смотрелся потрясающе в костюме, выполненном на заказ, то Себастьян явно переплюнул его во многом. Пожалуй, он мог бы так же легко и даже еще лучше сыграть роль волка прошлой ночью. Его темно-серый костюм прекрасно облегает его широкие плечи и отлично подчеркивает торс, очевидно, полностью соответствуя такому отличному вылепленному телосложению. Я бросаю взгляд на его руки, засунутые в карманы. Солнечный свет отражается от серебряных запонок, выделяющихся на белоснежной рубашке.

Он выглядит расслабленным, но его взгляд все кругом оценивает и ни на минуту не расслабляется. Даже при том, что он выглядит как миллионер, в нем есть что-то неукротимое, противоречащее его приличной внешности, от него буквально исходят волны «не-шутки-со-мной-если-хочешь-жить». Я стою, оставаясь на месте, пытаюсь не попадать в его периферическое зрение, потому что он весьма проницательно осматривает окрестности.

Внезапно я чувствую себя одетой очень скромно: в черные слаксы и мягкий облегающий изумрудно-зеленый свитер. Цвет, который намного лучше подходит к моим естественным волосам, но теперь уже ничего не поделаешь. Я закусываю губу, когда мой взгляд падает на его красный галстук. Он надел его для меня? Эта мысль заставляет мои внутренности сжаться.

Его телефон звонит, а у меня крутятся сексуальные мысли, как я дотрагиваюсь до этого шелкового галстука и скольжу руками по его накрахмаленной рубашке, чувствуя жесткую плоскую грудь.

— Куин, — он слушает, потом морщит лоб. — Мы должны были отправиться во вторник, — глубокий голос грохочет в его телефоне, но он звучит искаженно из-за расстояния. Себастьян сухо кивает. — Понял, сэр. Я дам знать Блэйку. Мы будем там в понедельник, номер тысяча четыреста.

Мои глаза расширяются от его почтительного тона и комментария. Так его фамилия Куин. Себастьян Куин. Что он имеет в виду по поводу Блэйка? Вот дерьмо, он говорит о Колдере? Если это так, то получается, что Себастьян тоже служит в ВМС. Но почему он не сказал мне об этом? *Почему, ты думаешь, он не сделал этого, дурочка?* Он хотел трахаться. Но тогда, чего ради, вообще встречаться со мной сейчас? У меня нет ответов. Но это не меняет того факта, что, похоже, он уезжает, уходит. Так же как и все мужчины в моей жизни. Любой из них не стоит и выеденного яйца. К ним я не отношу дядю Джорджа, потому что едва ли знаю этого человека, моя тетьа вышла за него замуж, пока я была в колледже. Но Себастьян отличается от всех, он совсем другой. Резкая боль пронзает мою грудь.

Его телефон сразу же звонит снова, посмеиваясь, он подносит трубку к уху.

— Эй, поговорим о сроках. Я как раз собирался позвонить тебе... Что? Господи! — он проводит рукой по коротко стриженным волосам, все его тело напрягается. — Я встречу тебя в больнице. Колд... — его голос звучит ободряюще. — С ним все будет в порядке.

Себастьян стоит несколько секунд, уставившись на дорогу, сжав телефон в руке, потом быстрым шагом направляется внутрь кафе.

Я наблюдаю через окно, как он говорит с девочкой подростком с конским хвостом, которая подошла к нему с меню и радостной улыбкой, оценивая его сверху вниз своим взглядом. Он отрицательно качает головой, когда она приглашает его присесть за пустой столик, затем Себастьян поднимает руку ладонью вниз, как бы показывая чей-то рост, мой рост. Девушка качает головой и выуживает из своего маленького кармана фартука блокнот с ручкой. Он пишет что-то, потом отдает ей записку с ручкой.

Я провожаю его глазами, когда он уезжает в серебристом спортивном автомобиле, беспокоясь из-за того, кто попал в больницу, и это тревожит мою совесть и мое сердце, которое ноет за нас. За упущенное время. И за мое дерьмовое прошлое.

Я понимаю, что вмешался случай. Я не пойду внутрь и не буду забирать записку с его контактной информацией. Будет лучше, если я не буду знать ее.

Сидя в машине, я достаю бумагу из моего бардачка и пишу записку. В ручке кончаются чернила, когда я решаю дописать что-то в конце. Ворча, я пытаюсь ее реанимировать, но потом роюсь в своей сумочке, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь ручку, чтобы закончить записку. Я выуживаю зеленую.

— Превосходно Талия, — бормочу я, заканчивая писать. Кладу записку внутрь белой коробочки, затем запускаю двигатель и еду напрямиком в поместье Блэйков.

Я не знаю дома ли Мина, единственное, что я в состоянии сделать — это попытаться.

К счастью, ее братьев нет, но когда дворецкий пытается дать мне отпор, чтобы я встретила с Миной, я прошу его:

— Пожалуйста, скажите ей, что здесь Скарлетт, которая хотела бы увидеться с ней.

Мина радостно визжит, заведя меня в дверях. Она обнимает меня, ее длинные темные волосы развеваются на ветру.

— Я так счастлива увидеть тебя. Себастьян сказал, что ты должна была раньше уехать вчера ночью. — Она тянет меня за руку. — Проходи и давай поговорим.

— Я не могу остаться, Мина, — говорю я, радуясь, что мои глаза скрываются за темными стеклами очков, и она не видит слез, наполнивших мои глаза. — Я привезла это для Себастьяна. Ты можешь сделать так, чтобы он получил это?

— Конечно. — Она берет коробочку, затем затаенно улыбается.

— Я буду просматривать газету.

Я улыбаюсь и киваю.

— Не знаю, сколько времени потребуется, чтобы статью опубликовали, но я сделаю все от меня зависящее. И, Мина, пожалуйста, помни свое обещание: никогда никому не сообщать мое имя.

На ее лице меняются всевозможные выражения.

— Даже Себастьяну?

— Даже ему.

— Так мне следует сказать ему, что это от Скарлетт? — спрашивает она, указывая на белую коробочку.

Я киваю, она накрывает ее второй рукой.

— Гм, ты знаешь, может пройти некоторое время, прежде чем Себастьян получит ее.

Я стараюсь скрыть разочарование на своем лице.

— Понимаю.

— Я не знаю, вернется ли он сюда, пока не уехал. Он скоро снова будет переброшен...
— она замолкает, потом сокрушенно вздыхает, пожимая плечами. — Кто знает на сколько?
В последний раз его отряд «Морских котиков» отсутствовал в течение девяти месяцев.
— Отряд «Морских котиков»? — я не могу скрыть удивление в своем голосе.
— Да, он и Колдер вместе служат. Разве он не сказал тебе, что он «котик»?
Я медленно качаю головой. Только единственный человек, такой как Себастьян, настолько доминирующий в постели, мог занизить свой статус «смертоносная машина для убийств», назвав его просто «службой безопасности».
— Я понятия не имела.
Она кивает, и в ее глазах отражается гордость.
— Но не волнуйся. Я обязательно передам ему это, когда он вернется, — она переводит взгляд на окно, и любопытство отражается на ее лице. — А что там такое?
Я смотрю на простую белую коробочку, затем поднимаю взгляд на нее.
— *Радуга.*

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Чёрный ирландец — термин, который применяется американскими ирландцами для людей ирландского происхождения с тёмно-коричневыми или чёрными волосами, которые отличаются от стереотипа рыжеволосого ирландца.

Он распространён прежде всего в США, но применяется также в Австралии, Канаде и Великобритании. Сам термин не имеет негативной коннотации, а описывает лишь внешность.

Персонажи сериала «Новая семейка Аддамс»